

СОДЕРЖАНИЕ:

Судьба Кишиневской аудитории. — По поводу Красноярской трагедии. — Къ „Кіевской исторіи“. — Хроника. — Письма въ редакцію. — По провинціи. — Маленькая хроника. — Изъ Москвы. *И. Эфроса.* — Лондонскіе наброски. *Bel-Ami.* — Изъ театральныхъ воспоминаній. *В. Лихачови.* — Кіевская исторія. *А. Кугеля.* — Письмо изъ Кіева. *М. Рабиновича.* — Телеграммы изъ Кіева. — Провинціальная лѣтопись. — Объявленія.

Рисунки и портреты: К. Н. Незлобинъ, Ф. Робертсонъ, г-жа Кякштъ, „Марья Ивановна“ (3 рис.), „Когда рыцари были храбры“.

Приложеніе: „Библіотека Театра и Искусства“, кн. IX: Изъ разсказовъ Густава Шварцкопфа. Перев. съ нѣм. *А. Вейконе.* Стихотвореніе *Зои Бударовой.* Изъ мемуаровъ Сары Бернаръ. Золотой пѣтушокъ. Послѣдняя опера Н. А. Римскаго-Корсакова. „По пункту 3-му“, пьеса въ 1 д. *В. Ш. Карпинской.* „Обманутые“ пьеса въ 4 д. *А. Н. Финиерта.*

С.-Петербургъ, 28-го сентября 1908 года.

Телеграфъ принесть сообщеніе о томъ, что зданіе народной аудитории въ Кишиневѣ, построенное комитетомъ попечительства о народной трезвости и стоившее 150.000 р., подарено г. министромъ финансовъ союзу русскаго народа! „Союзъ“ получилъ недурной подарокъ, такъ что даже и того нельзя сказать, что „недорогъ твой подарокъ — дорога твоя любовь“...

Собственно говоря, мы не совсѣмъ понимаемъ юридическую сторону этого акта даренія. Въдѣ союзъ русскаго народа есть опредѣленная политическая партія, а не просвѣтительное учрежденіе, или единица мѣстнаго самоуправленія. Само собою понятно, что если политическая партія, именуемая „союзомъ русскаго народа“, имѣетъ вліяніе и значеніе въ Кишиневѣ, то она могла бы и вліять на направленіе народной аудитории косвенно, черезъ своихъ членовъ, состоящихъ въ томъ или иномъ общественномъ учрежденіи. Но при прямой передачѣ театра союзу, онъ закрѣпляется навѣки за „партію“, которая можетъ также быстро исчезнуть, какъ быстро народилась...

Кишиневская аудитория много лѣтъ служила зимнимъ пристанищемъ для антрепризъ и товариществъ. Это хорошее театральное зданіе, со сборомъ въ 700 руб., по среднимъ цѣнамъ (2 р. 50 к. первый рядъ), сдававшееся иногда и изъ $\frac{1}{10}$. Такъ, въ сезонъ 1905—6 г. товарищество имѣло зданіе изъ 20% сбора. Изъ антрепренеровъ, державшихъ аудиторию, назовемъ гг. Петросьяна и Дьяконова. Послѣдній сезонъ зданіе пустовало.

Что станетъ съ этимъ театромъ — неизвѣстно. Отчего бы г. Крушевану, напримѣръ, не взять его въ аренду, съ субсидією отъ союза?

Спеціальность — „инсценировка“ массовыхъ движеній...

По поводу красноярской трагедіи насъ спрашиваютъ:

„Актеръ Желябужскій, который долженъ былъ пріѣхать къ покойному Раковскому, и не пріѣхалъ, что если не вызвало, то во всякомъ случаѣ, содѣйствовало катастрофѣ, какъ оказывается, подписалъ контрактъ въ театръ Коммисаржевской, и игралъ въ ея спектакляхъ въ Москвѣ.“

По этому поводу позвольте предложить слѣдующіе вопросы:

1) Контрактъ съ Желябужскимъ заключенъ въ Бюро или нѣтъ?

2) Предполагая, что нѣтъ, — сочло ли нужнымъ Бюро предупредить г-жу Коммисаржевскую о томъ, что г. Желябужскій законтрактированъ?

3) Зналъ ли г. Бравичъ, членъ совѣта Т. О., о томъ, что у г. Желябужскаго есть контрактъ къ Раковскому, и если зналъ, то счелъ ли долгомъ предупредить антрепризу объ этомъ обстоятельстве?

Дѣло въ томъ, г. редакторъ, что въ статьѣ „Теат. и Иск.“ объ актерскомъ легкомысліи допущена односторонность. Актерское легкомысліе — безспорно. Но кромѣ легкомыслія актеровъ, есть еще, такъ сказать, „легкомысліе“ антрепренеровъ, а объ этомъ у васъ ни слова. Между тѣмъ къ антрепренеру „легкомысліе“ даже и не идетъ, — просто съ самымъ понятіемъ антрепренера несовмѣстимо...

Членъ Теат. Общества.

Мы получили отъ г. Дувана-Торцова слѣд. телеграмму по поводу инцидента съ г. Ярцевымъ (подробности см. ниже въ статьѣ „Кіев. исторія“).

Артисты театра „Соловцовъ“, участвовавшіе въ протестѣ, вызвавшемъ инцидентъ съ г. Ярцевымъ, не отстаивая своей правоты относительно формы допущеннаго ими протеста противъ оскорбительныхъ для театра и для ихъ человѣческаго достоинства его газетныхъ отзывовъ, предложили г. Ярцеву все дѣло во всемъ объемѣ, какъ по формѣ, такъ главнымъ образомъ по существу — передать на разсмотрѣніе третейскаго суда. Г. Ярцевъ третейскій судъ отклонилъ. Въ случаѣ принятія г. Ярцевымъ вызова со стороны артистовъ третейскимъ судьей изъявилъ согласіе быть членъ Государственной Думы О. Я. Пергаментъ.

Нельзя не признать, что г. Ярцевъ имѣетъ извѣстное основаніе отклонить третейское разбирательство. Актеры, реагируя на рецензіи г. Ярцева, нанесли ему оскорбленіе и тѣмъ сами присвоили себѣ „высшій судъ“, и слѣдовательно должны нести всѣ послѣдствія своего рѣшенія. Что же касается „всего объема инцидента“, — значить, и рецензій г. Ярцева, то, не говоря о томъ, что, какъ выразилась газета „Новая Русь“, если рецензентъ станетъ „судиться“ за рецензіи, то 1 часъ будетъ писать рецензію, а 24 часа судиться, скажемъ, что вопросъ этого, вообще-то, можетъ быть возбужденъ лишь послѣ того, какъ будетъ ликвидировано выступленіе кіевской труппы противъ г. Ярцева. Впрочемъ, ниже, въ статьѣ А. Р. Кугеля, инцидентъ освящается съ бытовой и психологической стороны.

Приводимъ въ извлеченіяхъ отзывы нѣкоторыхъ критиковъ и театраловъ дѣятелей по поводу инцидента:

Юрій Бѣляевъ: „То, что произошло въ кіевскомъ театрѣ, не поддается никакому измѣренію. Думаю, что Дуванъ-Торцовъ больной человѣкъ“.

А. А. Измайловъ: „Объ этой позорной нелѣпости не можетъ быть двухъ мнѣній. Невозможно представить подобнаго проявленія некультурности въ никакой иной области искусства. Неслыханная вещь, чтобы, напримѣръ, писатели изъяли изъ своей среды критика, который имъ непріятен. А ужъ не писатель ли страдаетъ отъ критики духовно и матеріально. Съ самыми великими злоупотребленіями слова можно бороться тѣмъ же словомъ. То, что кіевскій случай произошелъ съ рецензентомъ изъ настоящихъ литераторовъ, усиливаетъ тягостность факта, выводя его на почву чисто идейнаго столкновенія. Думаю, что весь благородный артистическій міръ долженъ быть оскорбленъ поступкомъ кіевской труппы“.

Импрессионистъ (Б. И. Бентовинъ), секретарь союза драматическихъ писателей: „Во всей этой исторіи возмущаетъ корпоративность скандала. Противъ корпоративности, скандальнаго выступленія труппы хотѣлось бы видѣть и корпоративный, но, конечно, приличный протестъ всѣхъ пишущихъ о театрѣ.“

Въ такомъ же родѣ отзывы А. А. Плещеева, А. А. Санина, Е. П. Карпова, И. Н. Потапенко, запретившаго въ театрѣ „Соловцовъ“ постановку своихъ пьесъ.

Этому примѣру послѣдовалъ Вл. И. Немировичъ-Данченко. Изъ одесскихъ газетъ любопытно отмѣтить слова И. В. Александровскаго, кievлянина, знающаго очень хорошо труппу солов. театра. Онъ „по совѣсти“ находитъ, что „рецензій г. Ярцева—какъ рецензій“.

„Въ театральныхъ кружкахъ, пишетъ г. Александровскій,—давно уже говорятъ о томъ, что въ театрѣ г. Дуванъ-Торцова зашла какая-то банда (?), которая, пользуясь безхарактерностью антрепренера, хозяйничаетъ въ театрѣ по-своему. Вѣроятно, эта компанія и является инициаторомъ и свершителемъ дикой расправы съ печатью“.

ХРОНИКА.

Слухи и вѣсти.

— 25-го сентября выѣхала въ турнѣ оперн. труппа подъ дирекціей С. Г. Маркова. Труппа посѣтитъ слѣд. города: Псковъ, Юрьевъ, Ригу. Составъ труппы почти тотъ-же, что въ „Невскомъ Обществѣ“. Въ труппѣ—Л. Г. Яковлевъ.

— Носятся слухи о раздѣленіи петербургской консерваторіи на два отдѣльных учебныхъ заведенія: высшее и низшее, въ виду огромнаго наплыва учащихъ въ консерваторію (въ этомъ году принято около 1600 человекъ по всѣмъ классамъ). Предполагается въ высшемъ примѣнять программу высшихъ курсовъ консерваторіи, а низшія учредить по образцу провинціальныхъ отдѣленій Импер. муз. общества.

— По классу инструментовки приглашенъ въ консерваторію молодой композиторъ Максимилианъ Штейнбергъ, зять покойнаго Римскаго-Корсакова и его же ученикъ.

— Въ театрѣ „Неметти“ на Петербургской сторонѣ для открытія пойдетъ комедія Островскаго „На всякаго мудреца довольно простота“. Г. Строеву разрѣшены бесплатные утренники для учащейся молодежи по воскресн. и праздничн. днямъ.

— 1 октября открываются драматическіе спектакли въ г. Кронштадтѣ. Для открытія пойдетъ пьеса „Любовь на стражѣ“.

— Въ театральныхъ кружкахъ поговариваютъ объ искѣ въ 3 руб., вчиненномъ г. Сукенниковымъ къ владѣлицѣ театрального агентства г-жѣ Разсохиной. Процессъ имѣетъ цѣлью, при помощи свидѣтельскихъ показаній, дать характеристику дѣятельности агентства.

— Предполагавшіеся въ Екатерининскомъ театрѣ спектакли опереточно-украинской труппы О. З. Суслова разстроились благодаря случайнымъ обстоятельствамъ. Г. Сусловъ не прибылъ къ сроку съ труппой, въ виду опасенія со стороны послѣдней холеры, опоздавъ на два дня. Г. Сѣверскій, обязанный въ срокъ начать спектакли и видя въ неприбытіи въ срокъ труппы отказъ г. Суслова отъ своего первоначальнаго намѣренія, самостоятельно собралъ опереточную труппу. Труппа г. Суслова, находившаяся на пути въ Петербургъ, въ виду неожиданно сложившихся обстоятельствъ, остановилась въ Псковѣ, гдѣ дастъ рядъ спектаклей.

— По слухамъ, с.-петербургское попечительство о народн. трезвости намѣрено съ будущаго года основать собственную общедоступную оперу въ Народномъ домѣ.

— Директоръ варшавскихъ правительственныхъ театровъ г. Малышевъ представилъ на утвержденіе генераль-губернатора необычный по своему содержанию мемориаль, живо комментируемый въ польской прессѣ.

Г. Малышевъ предполагаетъ обратить вниманіе на развитіе польскихъ драматическихъ литературъ и назначить конкурсъ польскихъ драматическихъ сочиненій съ наградой въ 2000 р.

Генераль-губернаторъ утвердилъ мемориаль Малышева. Это чуть ли не первый случай правительственнаго поощренія польской литературы.

— А. И. Косоротовъ заканчиваетъ одновременно двѣ пьесы: „Мухомовка“, трагующая вопросъ объ уродливыхъ явленіяхъ въ современномъ бракѣ и „Елена на закатѣ“, изображающая послѣдніе годы жизни Елены прекрасной на островѣ Родосѣ, гдѣ она такъ загадочно скончалась.

— Ближайшій репертуаръ Александринскаго театра: „У царскихъ вратъ“ 30 сент. слѣд. новинки—„Мнимый больной“ Мольера (съ г. Варламовымъ), „Сполохи“ В. Тихонова, „На перепутьѣ“ Н. Ходотова, „Вожди“ А. Сумбатова.

Возобновляется также „Вишневый садъ“ съ новыми исполнителями—Аня (г-жа Ведринская) и Фирсъ (г. Давыдовъ).

— При лигѣ образованія организовался кружокъ изящныхъ искусствъ. Въ ближайшемъ будущемъ этотъ кружокъ чествуетъ Л. Н. Толстого съ участіемъ лучшихъ силъ артистическаго и музыкальнаго міра.

* * *

Московскія вѣсти.

— Въ Москвѣ, по случаю исполняющагося 10-лѣтія Художественнаго театра, образовалась особая коммисія для обсужденія программы чествованія.

— Въ афишахъ казенныхъ театровъ помѣщено объявленіе, коимъ публикѣ запрещается бросать на сцену цвѣты, бутоньерки и пр. Запрещеніе вызвано оваціями, которыми на дняхъ была встрѣчена при первомъ своемъ выходѣ въ „Невольничихъ“ г-жа Лешковская. Дѣлавшіе эту овацію попали даже въ протоколъ.

* * *

† К. С. Стенко. 14 сентября въ 6 час. веч. близъ Новочеркасска скончалась артистка Клеопатра Стефановна Стенко (Христенко). Послѣдніе годы (туберкулезъ) здоровье ея сильно пошатнулось, тѣмъ не менѣе она не могла бросить сцену. Ей преимущественно приходилось ѣздить по сѣверу. Ампулы—роли характерныя и драматическія старухъ. К. С. была на редкость отзывчивый человекъ. Всѣ, кто сталкивался съ ней, помнятъ ее добрымъ словомъ. Послѣдній сезонъ К. С. служила у Никитской, въ Коломнѣ.

Миръ праху твоему, добрый товарищъ!

А.

* * *

Намъ пишутъ изъ Москвы: Изъ источниковъ, заслуживающихъ довѣрія, намъ сообщаютъ, что къ январю будущаго года въ управленіи московскихъ Императорскихъ театровъ ожидаются большія перемѣны: оставляетъ свой постъ управляющій московской конторой г. фонъ-Бооль; разстанется также со своими обязанностями главнаго режиссера Малаго театра заслуженный артистъ А. П. Ленскій. Имъ уже подано прошеніе о болѣзни, въ которомъ испрашивается у дирекціи отпускъ „съ 1 ноября, впредь до выздоровленія“. По слухамъ, мѣсто главнаго режиссера займетъ А. И. Южинъ или же А. Ѳедотовъ. Относительно только что указаннаго слуха о кандидатахъ, мы сильно сомнѣваемся, потому, главнымъ образомъ, что практически доказана полная бесполезность должности главнаго режиссера, а разрѣшеніе на постановку проходить черезъ управляющаго драматической труппой г. Нелидова и санкціонируется дирекціей.

Какъ намъ передаютъ, между Ѳ. А. Коршъ и бывш. артисткой Императорскихъ театровъ О. В. Гзовской (по мужу Нелидовой) ведутся переговоры о вступленіи г-жи Гзовской въ труппу театра Корша. Артисткѣ предложено выступить въ роли Психеи въ пьесѣ Жулавской „Эросъ и Психея“.

Артуръ Никишъ увѣдомилъ музыкантовъ Большого театра, которые приглашали знаменитаго дирижера на свой бенефисъ, что онъ согласенъ дирижировать операми „Лоэнгринъ“ или „Карменъ“.

Нѣсколько дней назадъ исполнилось столѣтіе со дня основанія московскаго Импер. училища.

Артисты балета московскаго Большого театра г-жа Коралли, гг. Мордкинъ и Козловъ 1-й по приглашенію г. Дягилева ѣдутъ на май мѣсяцъ будущаго года въ Парижъ танцовать въ балетъ А. Бенуа и Фокина—„Павильонъ Армиды“.

Е. К. Лешковская далеко еще не чувствуетъ себя вполне здоровой и, врядъ-ли она сможетъ проиграть на сценѣ до конца сезона. Вѣроятнѣе всего ей придется снова сдѣлать очень серьезную операцію. Какъ подтвержденіе этого слуха можемъ указать на послѣднее извѣстіе изъ Малаго театра, въ которомъ есть данныя, свидѣтельствующія о тревожномъ строеніи за кулисами театра.

Такъ, при распредѣленіи ролей въ пьесѣ „Казенная квартира“ произошла нѣкоторая перемѣна: главную женскую роль вмѣсто г-жи Лешковской будетъ играть г-жа Яблочкина.

* * *

На международной художественно-промышленной выставкѣ, въ субботу 29 сентября, состоялся симфоническій концертъ подъ управленіемъ М. А. Гольденблюма. Прекрасно составленная программа привлекла много публики. Мощная, самобытная 2 симфонія Бородина, съ его рѣзкими и оригинальными оборотами мелодическаго характера, была отчетливо проведена съ замѣтнымъ подъемомъ въ финалѣ. Вообще, къ чести этого дирижера, нужно сказать, что онъ сильно поднялъ звучность оркестра и въ короткое время достигъ большаго ансамбля. Въ передачѣ программы сказались черты художественнаго пониманія высоко образованнаго музыканта. Вторымъ номеромъ шла „Буря“ Чайковскаго и затѣмъ поэтичное „Sposalizio“ Листа, наѣяннаго картиной Рафаэля того же названія. Въ строеніи послѣдней вещи широкія пасторальныя темы въ своемъ развитіи доходятъ до глубокаго торжественно-религіознаго выраженія и своей простотой и благородствомъ формы напоминаютъ строго выдержанную композицію Рафаэля. Концертъ закончился блестящей и бойкой ритмически увертюрой „Бенвенуто Челлини“ Берліоза. Публика тепло принимала дирижера и солистку г-жу Орель, пѣвшую много на bis послѣ аріи изъ „Миньоны“ Тома. Пожелаемъ ей болѣе интереснаго вокальнаго репертуара для концертной эстрады.

* * *

Александринскій театр. Когда на казенную сцену былъ допущенъ Найденовъ—печать совершенно резонно „привѣтствовала“ это. Была пробита брешь для цѣлой группы писателей,

сняли одну изъ установленныхъ казенною рутиной перегородокъ и пропустили свѣжую литературную силу, которой въ виду несомнѣнной связи съ направлениемъ „горьковского“ натурализма до той поры входъ былъ строго воспрещенъ.

Найденовъ дебютировалъ „Стѣнами“—пьесой, если и не изъ лучшихъ въ репертуарѣ этого писателя, то все же серьезно задуманной, серьезно разработанной, въ типичныхъ для Найденова скорбныхъ тонахъ...

Теперь за г. Найденовымъ на Александринскіе подмостки „допущенъ“ г. Чириковъ.

Не знаю, что это—ироническое намѣренное пренебреженіе ко всему казенному, начиная съ казеннаго пайка, и кончая казенною сценой, или не рѣдкая для авторовъ переоцѣнка ценности своей пьесы—но только для дебюта „Марья Ивановна“ довольно легковѣсна.

Въ былое время изъ такого „сужета“ сдѣлали бы водевиль, теперь это рядъ жанровыхъ картинокъ на старую, избитую тему. Судите сами. Въ глухой провинціальный городишко судьба забрасываетъ типичнаго „перваго любовника“ Орлова-Заокскаго. Конечно сейчасъ же организуется любительскій кружокъ и конечно Заокскій находитъ тамъ „талантъ“, который требуетъ шлифовки. Этотъ талантъ—жена городскаго казначея Бородинка, Марья Ивановна. Понятно, какой сумбуръ увлеченіе сценическимъ искусствомъ вноситъ въ мирную жизнь городишка. Для Марьи Ивановны опыты Заокскаго имѣютъ серьезное значеніе. Послѣ выступленія въ „Грозѣ“, она рѣшается стать актрисой и во имя „святаго искусства“ бросаетъ мужа и домъ свой!..

Въ пьесѣ г. Чирикова вся эта тема набросана эскизами, штрихами; рисунокъ почти нигдѣ не закругленъ, словно передъ вами незаконченный, неотдѣланный черновикъ пьесы. Однако отдѣльно, то тамъ, то сямъ, выступаютъ яркіе красочные мазки, отчетливо вырисовываются отдѣльныя фигуры дѣйствующихъ лицъ. Блѣднѣе остальныхъ именно Марья Ивановна. Образъ расплывчатый, въ которомъ много недоговоренности. Остается даже неизвѣстнымъ, истинно ли Бородинка даровита, или только не въ мѣру возвеличена Заокскимъ. Совершенно почти закрыть ея внутренній міръ, ея отношенія къ мужу. И послѣдній-то ея выкрикъ „въ Севастополь!“ оставляетъ въ недоумѣніи, дѣйствительно ли она оторвется отъ семейнаго очага для сцены, или это только угроза разнервничавшей женщины. Приходится однако сказать, что неясность образа значительно быть можетъ усугублялась блѣднымъ исполненіемъ г-жи Савиной. Артистка такъ же мало подходитъ къ этой роли какъ, роль къ ней. Тутъ прежде всего необходима иллюзія свѣжей увлекающейся молодости—а этого г-жа Савина никакъ ужъ дать не можетъ...

Яркая фигура Орловъ-Заокскій. Встрѣчаются интересныя подробности въ его характеристикѣ. Удачно, напримѣръ, подчеркнута постоянная болтовня о синемъ южномъ морѣ, отчасти являющаяся рисовкой, но непроизвольно переходящая иногда въ искреннее увлеченіе. Г-нъ Аполлонскій играетъ Заокскаго нѣсколько „подъ Далматова“, прибѣгая къ многимъ вышнимъ приемамъ этого артиста. И поэтому пріятнѣе было бы видѣть самого Далматова, который навѣрно вложилъ бы въ исполненіе больше юмора и артистическаго размаха.

Хорошо выписанъ авторомъ мужъ начинающей „знаменитости“ Бородинки. Человѣкъ не глупый, но страшно узкій, terre-à-terre во всѣхъ своихъ воззрѣніяхъ. Рѣзкія реплики вложены въ его уста авторомъ, реплики своимъ здоровымъ матеріализмомъ разбивающія увлеченія окружающихъ. Роль эта совершенно подходитъ къ индивидуальнымъ особенностямъ г. С. Яковлева, и ведетъ онъ ее энергично, грубо, подчеркнuto, злобно.

Что еще?.. Въ пьесѣ много удачныхъ жанровыхъ бликовъ провинціальной жизни, много остроумныхъ, мѣткихъ выраженій, вызывающихъ смѣхъ и хорошо запоминающихся, авторъ даже при недорисованности фигуръ умѣетъ мѣстами ихъ выдѣлить, дать достаточный рельефъ. Такова фигура отца протоппа (дивная игра г. Давыдова) и номеръ второй Марьи Ивановны—любительница Дудочкина (въ исполненіи г-жи Потоцкой есть темпераментъ и задоръ).

Все указанное ведетъ къ тому, что пьеску безъ скуки слушать можно—но выйдешь изъ театра—и не осталось ровно ничего. Насколько выше въ этомъ отношеніи „Марьи Ивановны“ хотя бы „Иванъ Миронычъ“, гдѣ есть надъ чѣмъ подумать и о чемъ поспорить...

Среди исполнителей—въ большинствѣ удачныхъ—выдѣлимъ еще г. Ходотова, очень сердечно съ искреннею наивною передающаго роль „заигравшагося“ телеграфиста Костеньки, и г-жу Эльмину (прислуга Пелагея), которая каждой роли умѣетъ придать своеобразныя интересныя черты.

Постановка г. Долинова безъ особаго мудрствованія, но очень внимательная. Удачно, естественно сгруппирована картина закусилной жизни въ 3-мъ дѣйствіи.

Автора вызывали многократно, но пріятнѣе было бы видѣть его раскланивающимся не послѣ эскизнаго пустячка, а послѣ серьезной пьесы.

Импрессионистъ.

Зимній „Буффъ“ открылся новой мозаикой г. Валентинова „Въ волнахъ страстей“, мало чѣмъ отличающейся отъ прошлогоднихъ „Ночей любви“. Г. Валентиновъ, очевидно, взялъ „патентъ“ на этого рода сочинительство и, если Богъ продлитъ жизнь его, то мы будемъ свидѣтелями еще не одной „новой“ мозаики его сочиненія. Музыкальная литература достаточно богата и, хотя аппетитъ г. Валентинова не менѣе богатъ, все же на его вѣкъ хватитъ.

Музыкально грамотный человѣкъ, онъ мѣстами удачно компонуется, дѣлаетъ иногда красивые переходы отъ одного мотива къ другому. Вообще же, останавливаться серьезно на этомъ новомъ произведеніи г. Валентинова не приходится. Можно ему лишь присовѣтовать на будущее время, хотя сколько-нибудь, разнообразить либретто.

Новая мозаика, какъ и прежняя, имѣла большой успѣхъ. Секретъ успѣха мозаикъ г. Валентинова не только въ томъ, что онъ водитъ знакомство съ знаменитыми композиторами, но, главнымъ образомъ, въ томъ, что исполнителями являются хорошіе актеры. Въ другихъ рукахъ мозаики г. Валентинова не имѣли бы и сотой доли того успѣха. Наслажденіе доставляетъ видѣть на сценѣ такихъ талантливыхъ людей, какъ г-жа Варламова и г. Полонскій и Бураковский. Въ этотъ вечеръ въ ударѣ были и г-жи Рахманова и Гвоздецкая. У послѣдней голосъ значительно посвѣжѣлъ. Хорошо пѣлъ г. Михайловъ. Былъ веселъ и простъ г. Дальскій. Въ своемъ стилѣ играла г-жа Шувалова. Новый баритонъ г. Драгошъ, промѣнявшій оперу на оперетку, остался и тутъ опернымъ исполнителемъ. Это было неинтересно и скучно.

О. К.

Театръ „Пассажъ“. Премьерша фарсовой труппы Сабурова г-жа Грановская выбрала для своего бенефиса пьесу, не имѣющую ничего общаго съ духомъ и стилемъ фарса, чѣмъ привела въ немалое изумленіе любителей „веселаго жанра“, открыто высказывавшихъ свою досаду и разочарованіе. Обмануло ихъ названіе пьесы: „Обнаженная“. На самомъ дѣлѣ это очень изящная, драматическаго характера вещь, написанная моднымъ парижскимъ драматургомъ А. Батайлемъ. Обнаженная—это натурщица Лулу, безхитростная, непосредственная душа, „вся какъ на ладони“. Она принесла счастье неизвѣстному художнику Бернье, котораго любить горячо и свято, какъ умѣютъ любить только нерасчетливыя натуры съ дѣтскимъ золотымъ сердцемъ. Слава и богатство улынулись Бернье. Они живутъ въ роскошномъ дворцѣ, для нихъ начался вѣчный праздникъ. Но Бернье уже не тотъ. Онъ увлеченъ богатой красавицей. Лулу не въ силахъ перенести охлажденіе своего любовника, но ни мольбы, ни угрозы не могутъ вернуть ей прежняго чувства Бернье. Съ негодованіемъ отвергнувъ предложенную ей денежную сдѣлку, она стрѣляется. Выстрѣлъ однако оказался неудачнымъ. Въ больницѣ она оправилась, но предстоящая ей дальнѣйшая жизнь потеряла для нея всякій смыслъ. Пьеса смотрится съ интересомъ даже въ исполненіи актеровъ, которые въ драмѣ неминуемо должны чувствовать себя связанными и перенесенными въ чуждую имъ атмосферу. Одна г-жа Грановская заставила вспомнить лучшіе дни ея служенія серьезному искусству. Правда, у нея не хватало драматическаго подъема, сильнаго чувства, но все же она показала, что веселый жанръ не наложило на нее неизгладимаго отпечатка. Мѣсто ей на серьезной сценѣ.

Пьеса шла безъ четвертаго акта (въ больницѣ), закончившись выстрѣломъ за кулисами.

М. В.

Народный домъ гр. Паниной. Труппа г. Гайдебурова заслуживаетъ уваженія. Она работаетъ почти безкорыстно. Репертуаръ труппы серьезенъ, отношеніе ея къ дѣлу—любовное. Если матеріальное вознагражденіе труппы ничтожно, то нравственная награда, выражающаяся въ отношеніи народной аудиторіи къ труппѣ, чрезмѣрно велика. Если судить о спектакляхъ подлѣ режиссерствомъ гг. Гайдебурова и Таирова по апплодисментамъ и вызовамъ, то попавшій къ концу любого акта можетъ подумать, что здѣсь играютъ все сценическія звѣзды. Аудиторія, очевидно, въ своей массѣ, лучшаго не видѣла и благодарна итelligentнымъ актерамъ, сопровождающимъ ее съ міромъ художественно-литературныхъ образовъ, дающихъ пищу духу и мысли публики.

Если бы труппа г. Гайдебурова не „мудрствовала лукаво“, не переоцѣнивала свои посредственныя силы, она достигала бы не только легкаго у своей аудиторіи внѣшняго успѣха, но и дѣйствительно бы совершенствовалась. А то, помилуйте, чего не выдумаютъ люди! „Власть тьмы“ Л. Н. Толстого играть „внѣ быта“, а „Дядю Ваню“ Чехова въ ритмахъ и тональностяхъ Шопена и Чайковского. Вѣдь не анекдотъ, а фактъ, что чеховскую пьесу репетировали подлѣ аккомпаниментъ рояля. Это, вилите ли,—для того, чтобы помочь актерамъ „выявить“ музыку души, гармонию чеховскихъ настроеній!..

Быль я на спектаклѣ. „Дядя Ваня“ шелъ безъ музыки, но артисты должны были играть по впечатлѣніямъ отъ репетицій „съ музыкой“...

Выше головы не прыгнешь!.. Играли прилично, но, по обыкновению, без того артистического огонька, который не раздуешь, а только заглушишь „выдумками“, идущими не от „талантливого“ инициатива, а от кропотливых потуг, „вывертов“, в наивной надежде, что настоящий успех зависит от „пересадок“ актеров в прямом или переносном смысле.

Никакой музыкальности ни в диалогах, ни в настроениях прекрасной чеховской пьесы не было; и это, слава Богу, а то вдруг бы мы Чехова услышали в фальшивых певуческандованных тирадах!..

Плох актер, которому для настроения надо возбудить нервы музыкой... От этого недалеко и до игры под гипнозом, под действием наркотиков и т. п.

Г. Гайдебуров играл дяню Ваню резко, без оттенков и мюлутонов, все внимание сосредоточив на сцене изступления со стрельбой в профессора, и не показав глубины тихой скорби, напрасно прожитой жизни.

Г. Гайдебуров темперамент замѣняет суетливой, судорожной горячностью и ведет сильную сцену в сплошном однообразном крике, без переходов, без гаммы смѣняющихся переживаний. Но аудитория слѣдала оваии актеру, который старался „во всю“.

Лучше сыграла г-жа Толстая Соню; была видна отдалка деталей, иногда звучали искренней, трогательные ноты. Артистичѣ мѣшаете неблагодарный голос, манера давать какой-то „задушенный“ звук.

Г-жа Слонимская, приглашенная в Новый театр г. Фальковского, безусловно симпатичная и способная актриса, но для роли профессорши она не подходит. У нея—интонации индѣе, и нѣтъ порой лѣнивого, порой жизненного кокетства женщины, таящей в себѣ борьбу добраго и злого.

Г. Таиров (Астров) не далъ изящнаго, талантливаго неудачника. Это былъ неуклюжий чеповѣкъ, вѣ ночной сценѣ съ Соней пьяный настолько, что непонятно, какъ любящая дѣвушка не ушла отъ него. А по пѣсѣ Астров подъ хмелькомъ, но Соня можетъ говорить о его изяществѣ, можетъ полупризнаваться ему вѣ любви... А вѣ сценѣ увлекательной рѣчи Астрова о лѣсѣ и порыва страсти къ профессоршѣ г. Таировъ былъ разсудоченъ и вялъ. Жаль. Это—лучшій актеръ труппы. Очевидно музыка шопеновскихъ ноктюрновъ на репетиціяхъ настроила его вѣ сплошныхъ минорныхъ тонахъ.

Телѣгинъ (Гардинъ), Бадническая (г-жа Марусина)—совершенно ступселись. Живымъ лицомъ была нянька (г-жа Топоркова). Г. Черновъ—профессоръ,—актеръ съ бытовымъ тономъ (все равно съ музыкой или безъ музыки)—чувствовалъ себя, видимо, не вѣ своей тарелкѣ. Какой же онъ состарившійся любимецъ дамъ, самовлюбленный фразеръ! На сценѣ былъ мужчина купеческой складки, общестановленнаго сценическаго образца. Опять жаль. На свое дѣло—это хорошій исполнитель.

Г. Гайдебуровъ обѣщаетъ постановку трилогіи гр. А. К. Толстого, „Антигону“ Софокла. Можно только привѣтствовать эти проекты. Но, Бога ради, господа, играйте попросту, безъ затѣй. Серьезная, интеллигентная труппа ваша со скромными силами только вредитъ себѣ претензіями.

Н. Тамаринъ.

* * *

„Театръ искуствъ“. Чѣмъ руководствовался г. Гардинъ, открывая свой театръ пьесой Стриндберга „Пляска смерти“? Я думаю, только желаніемъ во что-бы то ни стало отойти отъ рутины и кокетливо блеснуть сугубо литературнымъ характеромъ своего предпріятія. Желаніе это осталось однако чисто платоническимъ, потому что и силы театра и аудитория оказались не приспособленными къ такимъ задачамъ. Прежде всего Стриндбергъ врядъли сколько-нибудь можетъ быть близокъ и понятенъ той публикѣ, которая, судя по первому вечеру, будетъ составлять главный контингентъ посѣтителей василеостровскаго театра. Для нихъ Стриндбергъ какъ быть, такъ и остался загадочнымъ незнакомцемъ. Вѣ антрактахъ то и дѣло слышались простодушные вопросы недоумѣвающихъ людей: — „Вы понимаете что-нибудь? Я—ничега“. Раздавалось кое-гдѣ и шиканіе. Но если пьеса Стриндберга пришлась не по зубамъ мѣстной публикѣ, то не по силамъ она оказалась и артистамъ театра Гардина.

Вѣ трагикомедіи скандинавскаго драматурга развертывается долгая, упорная, полная самыхъ дикихъ, порою безумно злобныхъ ухищреній борьба между мужчиной и женщиной. На фонѣ этой борьбы, гдѣ переплетается вѣ самыхъ странныхъ сочетаніяхъ трагическое съ комическимъ, гдѣ глаза не успѣваютъ слѣдить за вспышками и паденьями глухого, чисто звѣринаго ненавистничества—три главные фигуры—капитана Эдгарда, его жены Алисы и ихъ друга Курта—получаютъ зловѣщее освѣщеніе. Скованные цѣпью мучительныхъ житейскихъ отношеній, задыхающіеся вѣ круглой крѣпостной башнѣ, гдѣ, по выраженію Курта, „подъ поломъ, словно, разлагается трупъ“, а отъ стѣнъ отдѣляются ядовитыя испаренія, мучится жена и любовникъ подъ тяжелой пятой мужа, властнаго тирана, наносящаго мѣтко расчитанные удары и беспощадно играющаго

своими жертвами. Свобода приходитъ со смертью Эдгарда и драма кончается страннымъ аккордомъ. Отъ неожиданно нахлынувшей свободы безумная радость охватываетъ любовниковъ. Но черезъ минуту вѣ раздумьи они говорятъ о покойникѣ: „а все-таки онъ былъ хорошій, благородный чеповѣкъ“.

Для пьесы Стриндберга, построенной капризно волею буйнаго автора то на кошмарныхъ изломахъ, то на положеніяхъ чисто водевильныхъ, нужны исполнители исключительныхъ способностей, исключительной силы. Передать со сцены трагическій ужасъ жизни, выраженный вѣ полуреальной, полумистической формѣ, не подъ силу актерамъ средняго уровня, зауряднымъ исполнителямъ будничныхъ драмъ. Сравнительно ближе другихъ подошелъ къ автору г. Гардинъ. Будъ его Эдгардъ поменьше резонеромъ, дай онъ больше внутренней силы, пожалуй, было бы и совсѣмъ недурно. Во всякомъ случаѣ г. Гардинъ интересенъ вѣ этой роли. Нельзя сказать того же о г-жѣ Елишиной (Алиса). Тамъ, гдѣ была задавленная женщина, съ болью и мучительной тоской переносящая оскорбленія мужа, дѣло еще шло на ладъ, но вѣ бурныхъ сценахъ большаго трагическаго подъема публика имѣла право смѣяться—потому что это дѣйствительно было смѣшно. Смѣшонъ былъ вѣ этихъ сценахъ и ея неудачный партнеръ г. Реймерсъ (Куртъ), актеръ съ деревяннымъ голосомъ и вялыми неуверенными движеніями.

Поставлена пьеса Г. Воротниковымъ очень неровно. Есть промахи и недосмотры весьма досадные. Переводъ пьесы также г. Воротникова,—и тутъ не обошлось безъ промаховъ. Какъ вамъ нравится, напр., такой перлъ: „Она дразнитъ тебя посредствомъ лейтенанта?“

М. В.

Письма въ редакцію.

М. г. Вѣ виду замѣчаемаго за послѣдніе годы иапыва учащихся вѣ драматическія школы и вызваннаго этимъ обстоятельствомъ увеличенія количества послѣднихъ, вопросъ о драматическомъ образованіи и методахъ преподаванія вѣ драматическихъ школахъ становится очень серьезнымъ. Назрѣлъ цѣлый рядъ вопросовъ, на которые не даетъ отвѣта наша богатая специальная литература. Прогрессъ вѣ данномъ направленіи могъ бы быть вѣ томъ случаѣ, еслибы существовалъ какой-нибудь органъ, объединяющій преподавателей. Такимъ органомъ могъ-бы быть кружокъ преподавателей драматическихъ школъ, поставившій себѣ задачей разработку и возможное рѣшеніе вопросовъ, неразрывно связанныхъ съ дѣломъ преподаванія.

Если вы, м. г., находите учрежденіе такого кружка, преслѣдующаго исключительно научныя цѣли, своевременнымъ и желаете принять участіе вѣ предвѣрительномъ совѣщаніи, то благоволиите пожаловать 28-го сентября вѣ 4 ч. дня.

Чернышевская площадь, уг. Фонтанки, д. 6, кв. 7.

Съ совершеннымъ уваженіемъ *А. Доминговъ.*

М. г. Вѣ 1907 г. Великимъ постомъ я заключилъ контрактъ на цѣлый годъ вѣ Общедоступный театръ къ г. Собольщикову-Самарину въ г. Саратовѣ. Неожиданно г. Собольщиковъ-Самаринъ передалъ на лѣтній сезонъ 1908 г. Общедоступный театръ г. Марковскому. Нѣкоторыхъ актеровъ (бывшихъ постомъ вѣ Москвѣ, я не былъ) онъ спросилъ, желаютъ ли они служить у г. Марковского. Большинство отказалось, и контрактъ „нормальный“ былъ съ ихъ согласія расторгнутъ. Освободившіеся отъ контракта актеры г. Собольщикова-Самарина нашли себѣ мѣста; меня же и многихъ другихъ, вѣ томъ числѣ режиссера И. А. Ростовцева, Ф. П. Никитина-Фабіанскаго, г. Собольщиковъ-Самаринъ не нашелъ нужнымъ спросить, остаемся ли мы служить у г. Марковского или нѣтъ. Я лично узналъ о передачѣ театра отъ случайно проѣзжавшаго черезъ Саратовъ актера Орлова и, признаться, не вѣрилъ до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ расклеенный по городу анонсъ. Анонсъ появился на 6-й недѣлѣ поста. Найти другое мѣсто въ такое время очень трудно. Г. Марковскій, по пріѣздѣ вѣ Саратовѣ, сообщилъ мнѣ, что г. Собольщиковъ-Самаринъ вмѣстѣ съ находящимся вѣ театрѣ инвентаремъ, передалъ меня и вообще всѣхъ не бывшихъ вѣ Москвѣ актеровъ ему, Марковскому. Дѣлать было нечего и я рѣшилъ остаться вѣ труппѣ г. Марковского. Но прослуживъ двѣ недѣли, я покинулъ театръ и рѣшилъ (?) предъявить искъ къ г. Собольщикову-Самарину и потребовать съ него неустойку, а также и все жалованіе до окончанія лѣтнаго сезона. Искъ былъ предъявленъ 12-го мая с. г., а слушалось дѣло 4-го сентября, почти что черезъ четыре мѣсяца. Надежда получить принадлежашіе мнѣ по праву крохи, не увѣнчалась успѣхомъ: г. Собольщиковъ-Самаринъ просилъ черезъ свѣго повѣреннаго судъ прекратить дѣло, т. к. такая-то статья закона гласитъ, что искъ долженъ быть предъявленъ вѣ томъ городѣ, гдѣ отвѣтчикъ имѣетъ постоянное мѣсто жительства. Рекомендую товарищамъ при подписаніи „сто лѣ

дорогого „нормального“ контракта быть осторожнѣе, т. к. гг. антрепренеры могутъ нарушить этотъ „нормальный“ контрактъ, прикрываясь статьей о предъявленіи исковъ по мѣсту постоянного жительства отвѣтчика.

Не угодно ли охотиться за антрепренеромъ.

Алексій Полозовъ.

Малехья хрехика.

*** Владивостокскій антрепренеръ И. М. Арнольдъ, по своей изобрѣтательности, можетъ съ честью занять мѣсто покойнаго „мага и волшебника“ Форкатти. Послѣ спектакля („Сенсаціонная новость, взволновавшая своимъ появленіемъ всю Англію—„Клубъ самоубійцъ“) онъ объявилъ „призовой танцевальный вечеръ съ призами за мужскую и женскую красоту, изящность и грацію“. 1-й призъ—золотой жетонъ съ надписью: первой красавицѣ г. Владивостока, 2-й призъ—изящной дамѣ Владивостока, 3-й—граціозной дамѣ Владивостока, 4-й—первому красавцу Владивостока.

Мужской призъ по жюри шести дамъ. *Примычаніе.* Лицъ, получившихъ призы, просятъ до 1 октября доставить свои фотогр. карт. въ контору театра, кои будутъ помѣщены въ январѣ мѣс. въ журналѣ „Нива“ съ фамил. и съ обозначен. надписи призовъ.

*** Современный репертуаръ. Два господина останавливаются передъ афишей-анонсомъ театра Корша. Одинъ изъ нихъ читаетъ вслухъ: Дуракъ, Чортъ, Идиотъ, Воръ. Городовой, стоящій на посту, съ полнымъ сознаніемъ исполненнаго долга, дѣлаетъ замѣчаніе:

— Господинъ, прошу не выражаться.

*** Сара Бернаръ холеры не боится. Боятся холеры ея костюмы. Въ газетахъ читаемъ, будто-бы Сара Бернаръ не измѣнила-бы своего маршрута и не выжидала-бы прекращенія холеры, если-бы ей былъ гарантированъ свободный вывозъ изъ Россіи, послѣ окончанія гастролей, ея туалетовъ, костюмовъ труппы и декораций безъ дезинфицированія ихъ на границѣ. Артистка цѣнитъ это имущество въ 600 тысячъ франковъ.

Все-таки Сара Бернаръ, несмотря на холеру, пріѣдетъ.

А вотъ пріѣдетъ-ли Метерлинкъ еще не установлено. Сегодня читаешь, что Метерлинкъ пріѣдетъ, завтра постигаетъ разочарованіе: Метерлинкъ не пріѣдетъ. Но ужъ на слѣдующее утро съ пріятнымъ возбужденіемъ читаешь, что пріѣдетъ. Радость москвича однако непродолжительна. Каверзы Петербурга, всегда готоваго подставить Москвѣ ножку, снова его омрачаютъ:

— Въ виду холеры въ Петербургѣ, Метерлинкъ не пріѣдетъ.

Но это лишь минутное колебаніе. Какъ истый джентльменъ, Метерлинкъ на слѣдующій же день торопится оповѣстить, что холера не можетъ помѣшать его пріѣзду въ Москву. Онъ пріѣдетъ.

Но спокойствіе уже оставило москвича...

Итакъ пріѣдетъ-ли Метерлинкъ—не установлено, но что публика пріѣдетъ на „Синюю птицу“—это несомнѣнно.

„Учитесь вы, російскіе актеры!“..

По провхціи.

Биби-Эйбатъ (Бак. губ.). Намъ пишутъ: 12 сентября открылся зимній сезонъ въ Народномъ домѣ сѣзда нефтепромышленниковъ. Играетъ товарищество украинскихъ любителей Черногогородскаго района подъ управленіемъ и режиссерствомъ В. П. Цыценко. Представлена была драма Суходольскаго, „Помста або загублена доля“. Спектакль прошелъ въ общемъ тускло. Выдѣлилась г-жа Богатко.

Воронежъ. Намъ пишутъ: Въ составъ труппы, организованной всероссійскимъ Союзомъ сценическихъ дѣятелей, которое будетъ играть въ театрѣ народнаго дома, вошли: г-жи А. Ф. Адурская, М. С. Анчарова, В. В. Баллюзекъ, Т. М. Бригина, А. С. Селиванова, Е. В. Долоцкая, М. В. Комаровская, М. Э. Оленина, А. Ю. Панина, Л. П. Петипа, В. Е. Уранова; гг. П. Ф. Воронцовъ, В. Л. Дружининъ, В. Н. Грибановъ, Кара-Курбатовъ, А. И. Канинъ, А. И. Касаткинъ, А. Ф. Каратаевъ, А. Д. Косталындинъ, А. Н. Орловъ, В. И. Островскій, П. В. Панинъ, И. И. Поплавскій, Д. И. Тинскій, Я. В. Щербаковъ. Открытіе 18 сентября „Джентльменомъ“.

Открытіе оперныхъ спектаклей въ новомъ театрѣ Попова 20 сентября „Аидой“. Антреприза г. Филиппова.

Зимній городской театръ откроется 26 сентября. Драм. труппа В. И. Никулина.

В. П. Родныхъ.

Владиваназъ. Драмат. труппа П. П. Медвѣдева открываетъ сезонъ 28 сентября.

Владиваназъ. Намъ пишутъ: С. Ф. Бауэръ закончила лѣт-

ній сезонъ, 8-го сентября съ дефицитомъ въ 4500 руб. Артистамъ уплачено все. На будущее лѣто театръ остался снова за г. Бауэръ.

Казань. На имя предсѣдателя театральной коммисіи отъ члена ея Д. А. Алексѣева поступило заявленіе, въ которомъ говорится, что необходимо обратить вниманіе театральной коммисіи въ первомъ же ея засѣданіи „на возмутительное“ отношеніе къ своему дѣлу антрепренера г. Собольщикова-Самарина. Въ настоящее время спектакли оперы обставляются совершенно недопустимо ни со стороны художественной цѣльности, ни со стороны контракта, декорации не ремонтируются и т. д. и вообще постановку оперъ слѣдуетъ называть „неприличной“. Кромѣ того для нѣкоторыхъ пѣвцовъ настало время или выйти изъ состава вовсе, или не брать на себя первыхъ партій.

Именецъ-Подольскъ. Городской театръ. Зимній сезонъ. Драма. Антреприза Н. Е. Кожевникова. Составъ труппы (по алфавиту): гг. Аткарскій Н. М., Варскій В. Н., Ворцовъ Б. Н., Бѣльскій Н. Е., Громовъ Н. Л., Зоринъ С. М., Ивановъ А. С., Кочетковъ А. А., Крамовъ А. И., Набатковъ Г. Н., Невѣжинъ Е. Я., Росскій А. А., Рахмановъ П. Н., Руссовскій О. О., Уваровъ Г. И., Чембаровъ Б. О.; г-жи Варская Е. О., Гладкова М. Г., Гнѣдичъ З. И., Дюбюкъ В. А., Егорова Н. Е., Ильницкая А. К., Ковригина А. С., Мрозовская А. Н., Роккиджани С. Ф. и Химанова О. М. Главнй режиссеръ А. И. Крамовъ, пом. реж. А. С. Ивановъ и Шабельскій. Суфлеръ—Н. М. Борисоглѣбскій, декораторъ—Ф. Н. Тихоновъ. Открытіе 27 сентября. Намѣченъ къ постановкѣ: „Казенная квартира“, „Гетера Ланса“, „Обнаженная“, „Ашантка“, „Жить хочется“, „Вожди“ кн. Сумбатова и др.

Мелитополь, Тавр. губ. Намъ пишутъ: съ 10-го октября по 10-е ноября въ зимнемъ театрѣ Стамболи будетъ играть украинская труппа подъ управленіемъ П. В. Прохоровича. Театръ окончательно отремонтированъ, добавлено еще 14 ложъ.

Нииній-Новгородъ. Намъ пишутъ: 20-го зудермановскою „Честью“ открылся городской театръ. Несмотря на ужасную погоду, полный сборъ; положительный, хотя и не шумный, успѣхъ перваго спектакля труппы П. П. Медвѣдева. Новый раздвижной занавѣсъ, новыя декорации и обстановка импонировали публикѣ. Пьеса была очень тщательно срепетована. Артистовъ всѣхъ вызывали, но, кажется, они не нашли еще почвы на первомъ спектаклѣ: выдержанный Хейнеке—г. Конычъ, хорошій Тростъ—г. Смуровскій; сбивался съ тона г. Орловъ-Чужбининъ—Робертъ. Женскій персоналъ (г-жи Агринцева, Лелева) слабѣе. Въ общемъ удачный спектакль, но тѣни г-жи Кварталовой и г. Рудницкаго—прошлагодныхъ премьеровъ—незримо летали и на сценѣ и среди публики..

И. С.—пп.

Орель. Приводимъ полный составъ труппы В. А. Крамова: г-жи А. И. Малаксанова, С. М. Высоцкая, Е. Д. Далина, В. Н. Верюгина, Л. П. Петровская, Е. М. Романова, В. Е. Прокофьева, Е. В. Жданова, К. Н. Ставровская, Е. Н. Женичъ, Н. С. Кряжева, Н. К. Кручинина; гг. А. Г. Левандовскій, С. П. Невѣринъ, А. Н. Бестужевъ, Н. А. Извольскій, В. М. Снигиревъ, Е. В. Неволинъ, С. М. Бородинъ, Н. А. Викторъ, Д. И. Поляковъ, В. А. Самойловъ, С. П. Ардовъ, В. И. Броварскій, В. В. Броневскій, Н. Х. Чембарцевъ, В. П. Грязновъ, С. О. Вельскій и Г. В. Арнольдъ. Режиссеры: К. Т. Бережной и С. П. Невѣринъ. Помощники: Г. А. Вербаковъ и В. П. Грязновъ. Суфлеры: С. О. Валикъ и С. О. Вельскій, декораторъ М. А. Постниковъ.

Одесса. Въ Новомъ театрѣ открылись спектакли еврейской труппы гг. Спиваковскаго и Краузе.

— Оттого ли, что Одесса городъ меломановъ или оттого, что постановка дѣла въ драматич. театрѣ въ этомъ сезонѣ недостаточно интересна, но фактъ тотъ, что въ то время, какъ опера г. Макасова дѣлаетъ очень хорошіе сборы, въ драматическомъ театрѣ сборы ничтожны. Вотъ примѣры: гор. театръ („Голосъ жизни“)—265 р., въ Сибиряковскомъ („Фаустъ“)—1189 р., гор. театръ („Дмитрій Самозванецъ“)—310 р., Сибиряковскій („Гугеноты“)—913 р., гор. театръ (первое представл. новинки)—498 р., Сибиряковскій („Пиковая дама“)—1650 р. и т. д. Думаемъ, что дѣло не въ „меломанскихъ“ вкусахъ одеситовъ и не въ конкуренціи оперы, ибо такіе же ничтожные сборы были и за первый полумѣсяцъ сезона, когда оперный сезонъ еще не начинался. Если вспомнимъ прошлагодный сезонъ, когда пьесы выдерживали десятки представлений („Пробужденіе весны“, напр.), давая прекрасные сборы, то будетъ ясно, что причина плохихъ сборовъ не случайная, а органическая, таящаяся въ самомъ существѣ дѣла.

Между прочимъ, въ труппу приглашается М. М. Петипа, которому вмѣняется въ обязанность выступать не только въ своемъ гастрольномъ репертуарѣ, но и исполнять роли по назначенію режиссера.

— 20 сентября открылся сезонъ новой драмы. Труппа состоитъ исключительно изъ молодыхъ интеллигентныхъ силъ. Цѣль труппы ознакомленіе публики съ новыми теченіями въ драмѣ. Параллельно со спектаклями предполагаются рефераты, посвященные текущему репертуару. Репертуаръ состоитъ изъ художественныхъ миниатюръ А. Блока, Бальмонта, Стриндберга, изъ произведеній Кнута Гамсуна, Соллогуба, Метер-

Изъ Москвы

К. Н. Незлобинъ.

(Къ 15-лѣтію сценической дѣятельности).

линка и др. Спектакли будутъ ставиться два раза въ недѣлю на сценѣ одес. семейнаго собранія. Для открытія была поставлена „Побѣда смерти“ Э. Соллогуба.

Острогжскъ (Воронежской губерніи). Зимній сезонъ. Драма. Товарищество подъ управленіемъ В. И. Юматова. Составъ труппы: Загарова, Соколова, Боярская, Образцова, Горская, Назимова, гг. Юматовъ, Зміевъ, Айдаровъ, Лихомскій, Абрамовскій, Алексѣевъ, Мироновъ, Угрюмовъ, Васильевъ. Суфлеръ Андреевъ, помощникъ режиссера М. Планъ.

Открытіе сезона 21-го сентября пьесой В. Барятинскаго „Карьера Наблочнога“. Режиссеръ В. И. Юматовъ.

Оренбургъ. 16 сентября открылся зимній сезонъ въ Народномъ домѣ „Марьей Ивановной“.

Рига. 19-го сентября утромъ труппа чествовала К. Н. Незлобина, по поводу 15-лѣтняго юбилея художественной и артистической дѣятельности. Чествованіе происходило на сценѣ театра. Артисты поднесли К. Н. роскошный лавровый вѣнокъ, въ серединѣ котораго изъ бѣлой гвоздики была изображена цифра „XV“. Затѣмъ, артисткой Карпенко, служившей у К. Н. еще въ первый годъ его антрепризы, былъ прочитанъ отъ имени труппы адресъ. По прочтеніи адреса привѣтственную рѣчь произнесъ артистъ Добровольскій.

— Въ театрѣ „Улей“ объявлены спектакли еврейской труппы Д. М. Сабса.

Тифлисъ. Драмат. труппа М. И. Питовой открыла сезонъ въ театрѣ Артист. О-ва 20 сентября „Волками и овцами“. Объявлены для ближайшей постановки новинки: „Ренессансъ“, „Самсонъ“, „Дважды два пять“, „Власть плоти“, „Обнаженная“, „Дуракъ“, „Казенная квартира“ и др.

Опера въ казенномъ театрѣ открыла сезонъ 18-го сентября „Жизнью за Царя“.

Харьковъ. Изъ двухъ директоровъ открывающей на-дняхъ спектакли въ театрѣ Коммерческаго клуба оперной труппы—М. М. Бородай и г. Харюкова—остался одинъ—г. Харюковъ. Какъ объясняютъ г. Бородай въ „Южн. краѣ“ для него такой исходъ дѣла явился полнымъ сюрпризомъ. Приѣхавъ съ труппой въ Харьковъ 14 сентября, онъ къ ужасу своему, узналъ, что не смотря на условіе, заключенное съ нимъ, г. Харюковъ не внесъ арендной платы и т. п. и потому театръ оказался закрытымъ для репетицій и другихъ приготовленій къ сезону. Г. Харюковъ потребовалъ передачи ему договора съ клубомъ, пожелавъ быть полновластнымъ директоромъ.

Г. Бородай заявилъ г. Харюкову, что онъ готовъ исполнить его желаніе, если только на то выразитъ свое согласіе вся масса, составляющая теперь харьковскую труппу, подписавшая только съ нимъ, единолично договоры на службу въ Харьковъ. Согласіе это было выражено 18 вечеромъ, а 19 г. Бородай сдѣлалъ передачу договоровъ.

„О театральномъ имуществѣ, бывшемъ красною шестилѣтней моей дѣятельности, въ Кіевѣ, пишеть, между прочимъ г. Бородай, а теперь сдѣлавшемся собственностью г. Харюкова и играющемъ казовую роль въ исторіи снятія театра клуба, мы поговоримъ въ свое время и при другихъ обстоятельствахъ“.

Пьесы приходили и уходили. У меня такое чувство, будто я двѣ недѣли не выходилъ изъ зрительной залы. И отъ всего этого множества почти не осталось впечатлѣній, изъ-за которыхъ стоитъ сидѣть въ театрѣ.

Обѣ недѣли были освящены громкими западными именами: Анри Бернштейнъ, опять Бернштейнъ, Гауптманъ, Кнутъ Гамсунъ, новый кумиръ русскаго читателя. Наши театры живутъ почти исключительно заграничнымъ ввозомъ. Не знаю, что они будутъ дѣлать, когда устроится конвенція. А она, по всѣмъ видимостямъ, надвигается. Ея не избѣжать. Когда у насъ справедливо говорятъ, что конвенція намъ не выгодна, за границей столь-же справедливо отвѣчаютъ, что западные авторы не обязаны благодарить Россію. Я, впрочемъ, думаю, что отъ ввоза импортнаго товара будетъ и своя выгода, хотя и не денежная. Выборъ будетъ дѣлаться болѣе осмотнительно. Платить дорого стоитъ лишь за то, что дѣйствительно цѣнно.

Малый театръ, напримѣръ, въ своихъ репертуарныхъ исканіяхъ слишкомъ исполненъ почтенія къ Гауптману, который все больше—бывшій человекъ. У себя на родинѣ Гауптманъ имѣетъ прошлыя заслуги передъ театромъ, которыя обязываютъ театръ въ настоящемъ.

У насъ передъ Гауптманомъ такихъ обязательствъ нѣтъ.

«Сестры изъ Бишофсберга» были присланы Гауптманомъ въ рукописи Художественному театру. И хотя такое вниманіе очень затрудняло отказъ, театръ поволновался-поволновался—и отправилъ рукопись назадъ въ Берлинъ. Также пришлось поступить ему съ рукописью слѣдующей гауптмановской драмы «Бѣгство Габріэля Шиллинга», которая интересомъ темы и достоинствомъ выполненія куда выше «Сестеръ», и которая, если не обманываюсь, до сихъ поръ остается ненапечатанной и не сыгранной.

Малый театръ, которому надоѣлъ эпитетъ отсталого, соблазнился именами, и потратилъ много труда на слабую пьесу прежде интереснаго и моднаго автора.

Когда я смотрѣлъ «Сестеръ изъ Бишофсберга», мнѣ все видѣлось растерянное лицо Гауптмана, съ больною усмѣшкою сознаваемого безсилія. Такимъ передаютъ это интересное лицо, недавно—гордое и вызывающее, послѣдніе портреты. Трудно сказать, почему такъ скоро пошелъ Гауптманъ внизъ. Ему и сейчасъ нѣтъ пятидесяти, и не прошло еще двадцати лѣтъ съ «Восхода Солнца» на берлинской «Вольной сценѣ». Въ Гауптманѣ уже нѣтъ былыхъ настроеній и замысловъ, есть лишь сознаніе, что надо-же писать, что-то опять сказать, важное и интересное.

И отъ каждой его пьесы послѣдней поры такое впечатлѣніе, точно авторъ насилуетъ себя, путается въ своихъ намѣреніяхъ и не находитъ нужныхъ средствъ для яснаго выраженія замысловъ или умывловъ.

Такъ написаны «Сестры изъ Бишофсберга». Гауптманъ силится какъ-то синтезировать жизнь, надѣтъ на человека вѣнокъ радости.

Но я думаю, что въ самомъ Гауптманѣ нѣтъ никакой жизнерадостности.

Гауптманъ силится наладить въ «Сестрахъ» какія-то настроенія, тонкія и поэтичныя. Все привлекается къ отвѣту—музыка рояля, рыдающая скрипка,

танцы, хороводъ, воспоминанія о сѣдой старинѣ, Діонисъ, даже публицистическія рѣчи о мертвящей школѣ. Но ни идеи, ни настроенія не налаживаются. И господствующее чувство, съ которымъ смотришь этихъ «Сестеръ» — несудоумѣніе. Пьеса просто невразумительна.

Только очень рѣдко удастся Гауптману разбудить свой талантъ. Онъ сказался въ образѣ младшей изъ четырехъ сестеръ-невѣстъ, — легкомъ, граціозномъ и трогательномъ.

Полу-ребенокъ, полу-артистка, съ тонкими душевными движеніями, чуткая и грезящая. Есть штрихи мастера-жанриста въ изображеніи тупого самодовольства, торжествующей глупости. Но эти штрихи перекрещены грубыми чертами дешевой карикатуры.

Домъ въ Бишофсбергѣ густо населенъ. Такая длинная афиша. Но почти нѣтъ сколько-нибудь интересныхъ, не условно-театральныхъ людей.

Интрига не пріобрѣтаетъ значительности и поэзіи отъ того, что съ таинственной башни льются мечтательные звуки скрипичной элегіи, что красиво играютъ по заламъ пятна луннаго свѣта, и четыре дѣвушки въ бѣломъ водятъ хороводъ, а кто-то говоритъ о Діонисѣ. Это все похоже на дорогія румяна, положенныя на старое, анемичное лицо. Лицо не становится прекраснымъ и живымъ.

Въ общемъ все устроилось, въ старомъ домѣ въ Бишофсбергѣ. И у трехъ сестеръ стало по жениху; будемъ уповать, — найдется женихъ и для четвертой Золушки.

Въ Маломъ театрѣ очень старались, чтобы Золушка сошла за принцессу и новый Гауптманъ — за прежняго. Сцена — режиссеръ и, отчасти, исполнители, — много прибавила отъ себя. Ловили всякую возможность придать пьесѣ о четырехъ сестрахъ прелесть и глубину. Были отличныя декораціи и отлично игралъ г. Падаринъ нѣмецкаго Ивана Мironyча и Шлимана «вареной колбасы». Образъ былъ выпуклый и въ сочныхъ краскахъ, съ карикатурою лишь тамъ, гдѣ уже ничего нельзя было подѣлать. Мало совладала съ той четвертой сестрой, о которой я говорилъ выше, и которая одна въ пьесѣ по настоящему красива духомъ, — г-жа

Берсъ. Была милой, веселой дѣвочкой, легко танцевала, звонко щебетала. Но это — лишь одна сторона гауптмановской Люксъ. Другая, прекраснѣйшая, пропала, слетѣли поэтичныя налеты, и душа была какъ у шалуньи-птички, а не какъ у будущей большой артистки...

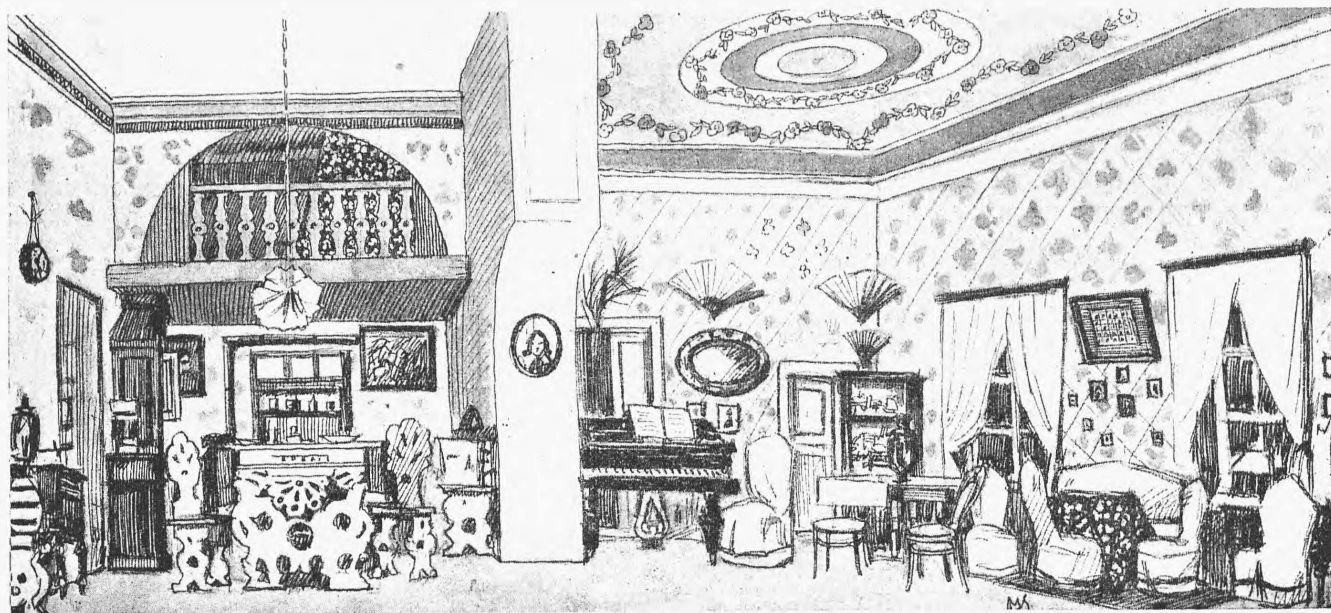
В. О. Комиссаржевская, — пышно справивъ юбилей для котораго, въ самый разгаръ своихъ модернистскихъ увлеченій, тряхнула стариной и прелестно сыграла Дикарку, — затѣмъ поставила «У вратъ царства» Гамсуна. Если Гауптманъ въ «Сестрахъ» — увядающій, то Кнутъ Гамсунъ въ первой части своего цикла объ Иварѣ Карено — еще не распустившійся. Общаніе, но не осуществленіе. Нѣтъ ни того широкаго размаха, ни той глубины, какія показываютъ «Драма Жизни».

«У вратъ царства» — вещь простая, немудреная. Талантъ Гамсуна сказывается въ простомъ, легкомъ, правдивомъ веденіи интриги, въ выразительномъ изображеніи людей, ихъ чувства.

Построить связь между Иваромъ Карено «Вратъ» и Иваромъ Карено «Драмы жизни» можно, конечно. Но она будетъ или очень внѣшняя, почти что въ одномъ имени, или очень искусственная, насилующая простое содержаніе перваго Карено. И лучше брать сго особнякомъ, въ томъ замкнутомъ кругѣ, какой представляютъ «Врата царства».

Здѣсь онъ — молодой ученый, который въ своихъ книгахъ и статьяхъ ведетъ борьбу съ авторитетомъ науки, съ апологетами англійскаго либерализма во вкусѣ Милля и Спенсера. Карено по своей идеологіи — нишпанецъ, грезитъ о сильномъ человѣкѣ, о единомъ вождѣ и царѣ. Впрочемъ, свое «вѣрую» Карено излагаетъ только мимоходомъ, и въ драмѣ ничего бы не перемѣнилось, если-бы Карено былъ социалистомъ и апологетомъ «всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого», а его враги, патентованные катедеръ-мыслители, «чучела ученыхъ», отстаивали принципы аристократіи. У насъ очень наболѣли всѣ политическіе вопросы, и слова Карено заставили непріятно настроиться. Но къ самой пьесѣ это не имѣетъ никакого отношенія. Гамсуна здѣсь интересуетъ лишь самая смѣлость Карено, и то, что онъ подымаетъ бунтъ, а не то, во имя кого этотъ бунтъ.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

„Марья Ивановна“ Чирикова. Декорація 1-го, 2-го и 4-го дѣйствія. Рис. М. Слѣпьяна.

Въ этой борьбѣ побѣждаетъ сила честнаго убѣжденія, побѣждаетъ Иваръ Карено. По крайней мѣрѣ — въ первой гамсуновской пьесѣ. Онъ не идетъ на поклонъ къ чучеламъ, онъ ничего не мѣняетъ въ своей смѣлой книгѣ, а за нее ему не дадутъ докторской степени и не пустятъ въ университетъ. Но побѣда стоитъ большихъ внутреннихъ бореній и терзаній. Гамсунъ передаетъ ихъ просто и правдиво, не надѣвая на голову Карено ни терновыхъ, ни лавровыхъ вѣнцовъ. Вѣшняя оболочка большого духа—буднична. Карено простоватъ, добродушенъ, наивенъ, съ мягкой и застѣнчивою душою. Мнѣ припомнился Штокманъ въ транскрипціи Станиславскаго. Именно таковъ Карено. И это большое дитя можетъ быть большимъ героемъ. И въ этомъ — главная прелесть и Карено, и пьесы.

Гамсунъ до того лишаетъ Карено всякихъ романтическихъ украшеній, что даже такой вдумчивый актеръ, какъ г. Бравичъ, впалъ въ обманъ и ничего, кромѣ оболочекъ не увидѣлъ. Былъ немножко увалень, даже, знаете, байбакъ, недалекаго ума, безъ привлекательности большого духа и глубокой мысли, и съ порядочною дозою сентиментальности. Когда-то, очень и очень давно, я видѣлъ въ Маломъ театрѣ чью-то пьесу «Наука и женщина». Тамъ былъ вотъ такой ученый, химикъ, и когда онъ выходилъ изъ своей лаборатории, съ растерянными глазами и обожженными пальцами, — было трогательно и смѣшно. Помню, химика того чудесно игралъ А. П. Ленскій. Но это былъ совсѣмъ не Карено. Г. Бравичъ очень напоминалъ мнѣ его. И потомъ, отъ того, что г. Бравичъ хотѣлъ выглядѣть молодымъ, онъ сдѣлалъ лицо простачка, перенаивничалъ. И никто, вѣроятно, не понялъ, какъ это факультетъ боится этого сѣренькаго и недалекаго чловѣчка. Изъ него можетъ выйти Вагнеръ, а не сокрушитель авторитетовъ.

Другая линія пьесы—семейная исторія Карено. И здѣсь все просто и буднично, но опять написано мягко, правдиво. Съ большимъ вниманіемъ слѣдишь, какъ растетъ трещина въ этомъ бракѣ. Маленькія размолвки, незначительныя ревнивыя вспышки, надъ которыми всѣ смѣялись, какъ въ водевилѣ, — а трещина ширится. И скоро д-ръ Карено надѣнетъ красное платье, какъ символъ служенія палящей страсти, и въ ней пріѣдетъ въ «Драму жизни» съ загадочнымъ «тахо—тахо».

Г-жа Коммисаржевская, когда планировала свое исполненіе, по моему, недостаточно принимала въ расчетъ цѣлаго пьесы. Ея первые два акта блестящи по technikѣ, показали прекраснаго мастера легкой комедіи. Блужданія по путямъ исканій не испортили ей легкости и виртуозности. Но было слишкомъ много шутокъ, и не были подмѣнены или показаны тѣ черточки, въ которыхъ Гамсунъ готовитъ катастрофу.

Самый переломъ, когда страсть захлестнула, передается Коммисаржевской съ большой силою, огненностью, въ той лихорадкѣ чувствъ, которая всегда такъ удается этой нервной, взволнованной артисткѣ.

Для другихъ ролей въ «Вратахъ» въ труппѣ Коммисаржевской, вообще удручающе бѣдной силами, нѣтъ исполнителей. И нѣсколько хорошихъ фигуръ, очень для пьесы важныхъ, пропадаютъ совсѣмъ. Впрочемъ, это приходится сказать почти про всѣ московскіе спектакли Коммисаржевской. Съ такою труппою весьма трудно и пропагандировать «новое искусство», и возвращаться къ старому.

У Корша вошелъ Бернштейнъ, этотъ баловень Парижа. «Воръ» чередуется съ «Самсономъ». Жи-

вой наблюдательности, художественнаго творчества одинаково мало въ обоихъ. Но Бернштейнъ—мастеръ сцены. Онъ умѣетъ быть эффектнымъ и занимательнымъ. Всегда отличныя роли. Актеры должны очень любить Бернштейна. Точно специально для бенефисовъ пишетъ. Роль «Самсона», который мститъ любовнику жены такъ, что разоряетъ его на биржѣ, но и самъ гибнетъ въ крахѣ, — прямо можно сказать, пушечный выстрѣлъ. И приблизительно такой-же эффектности женскія роли въ обоихъ пьесахъ.

Но для нихъ не оказалось въ театрѣ Корша настоящихъ исполнителей. Для «Самсона» специально приглашали г. Константинова. Это было странное приглашеніе. Такъ, какъ г. Константиновъ, — и гораздо лучше, могли бы сыграть и нѣкоторые изъ наличныхъ силъ труппы. Г. Константиновъ—актеръ стараго фасона, отъ котораго мы стали уже отвыкать.

Какъ дойдетъ до сильнаго мѣста,—за чловѣка страшно. Вулканъ огнелышашій.

Въ героиняхъ Бернштейна оба раза выступала г-жа Карелина Раичъ. И оба раза дѣлала не свое дѣло. Я не знаю, почему театръ такъ неправильно пользуется силами этой очень хорошей актрисы. Или, разъ высшій окладъ,—такъ непременно и всѣ «первыя роли»? Это уже какой-то театральнй экономическій матеріализмъ. Г-жа Карелина-Раичъ не умѣетъ передавать сильныхъ и бурныхъ чувствъ на сценѣ, не умѣетъ плакать такъ, чтобы на слезу слеза отвѣчала. Но она отлично умѣетъ смѣяться, и въ ея передачѣ такъ ярки и хороши многіе извивы женской души.

Въ «Ворѣ» по непостижимому недоразумѣнію дали роль съ очень сильными драматическими моментами г. Горину-Горяинову. Было жалко смотрѣть, какъ онъ силился изобразить великое страданіе, а вырывались все смѣшныя интонаціи и комическіе жесты. Въ «Самсонѣ» ошибка была исправлена. Г. Горинъ-Горяиновъ точно переродился. Игралъ съ большимъ, мягкимъ юморомъ, щеголяя прелестными интонаціями, и на всемъ исполненіи лежала печать таланта и благороднаго вкуса.

Въ Маломъ театрѣ за срокъ, протекшій послѣ моего послѣдняго письма, было нѣсколько возобновленій Островскаго, этой главной его силы. Между прочимъ, въ «Невольницахъ» выступила Е. К. Лешковская, которую цѣлый годъ держала вдали отъ сцены очень серьезная болѣзнь, чуть было совсѣмъ не сгубила. Публика увидѣла опять свою любимую артистку съ самою искреннею радостью. Оваціямъ не было конца. Я не могъ быть на этомъ спектаклѣ: онъ совпалъ съ премьерою «Вратъ». Отложу бесѣду о Лешковской въ «Невольницахъ» и о другихъ возобновленіяхъ Островскаго до другаго письма.

Н. Эфросъ.

Лохдохскіе хаброски.

Повоздемъ сезона обѣщаетъ сдѣлаться новая пьеса Джерома-Джерома: «The Passing of the Third Floor Back», что приблизительно можно передать словами: «Жилецъ задней комнаты въ третьемъ этажѣ». Для шутника и юмориста, какъ Джеромъ, извѣстнаго у насъ въ Россіи «Миссъ Гоббсъ» и «Трое въ одной лодкѣ», это произведеніе не обычно. Джеромъ скромно назвалъ его *idfe fancy* т. е. «праздной фантазіей», но несо-

мнѣнно, что оно написано «with message» — съ тенденціей или идеей. Авторъ не задавался, правда, широкими задачами и не думалъ вѣщать новаго евангелія, — онъ хотѣлъ только повторить старую бодрящую мысль, что въ каждомъ падшемъ чловѣкѣ есть еще искра непотухающаго и могущаго

Форбсъ Робертсонъ въ новой пьесѣ Джерома — «The Passing of the Third Floor Back».

разгорѣться огня, что среди самыхъ низкихъ отбросовъ современнаго, такъ называемаго «интеллигентнаго общества», въ рядахъ жалкихъ и развращенныхъ городскою жизнью обывателей тѣснятся въ мелкой жизненной борьбѣ наши-же по духу и происхожденію братья и сестры. Вообще авторъ, какъ старикъ Лука, сказалъ намъ здѣсь только то, что люди «для лучшаго живутъ». Девизомъ современной жизни служить: «Homo homini lupus est», и Джеромъ въ противность ему напоминаетъ, что «Homo homini deus est». Но объ этомъ забывается среди грызни изъ-за пенса, повседневныхъ заботъ о существованіи, и нужно, чтобы яркій, ослѣпляющій свѣтъ молніи сверкнулъ на нашу дорогу и показалъ намъ глубину нашего паденія во всей его неприглядности. Такой яркій свѣтъ приноситъ съ собой странный всезнающій и всевидящій чловѣкъ въ широкой крылаткѣ, съ строгимъ лицомъ и мягкими печальными глазами, который снимаетъ заднюю комнату въ 3-мъ этажѣ въ одномъ изъ безчисленныхъ въ Лондонѣ «Boarding-House» т. е. пансіонѣ для жильцовъ. Пансіонъ наполняетъ самое сборное общество, и рисуя его въ «эпilogѣ», Джеромъ обнаружилъ высокое мастерство, и яркій рѣзецъ художника. Передъ нами великолѣпная, словно выточенная фигура! Съ другой стороны именно этотъ актъ возмущаетъ англичанъ своей рѣзкостью: они находятъ непатріотичнымъ и неприличнымъ такъ обнажать свои язвы передъ всѣми, но русской публикѣ этотъ актъ долженъ нравиться, мы-же привыкли къ самобичеванію.

Хозяйка пансіона, миссисъ Шарръ, такова, каковы, по всей вѣроятности, хозяйки меблированныхъ комнатъ всего міра: бранливая особа въ чепцѣ, препирающаяся съ своей горничной, подливающая чаю въ коньякъ и разбавляющая молоко водой.

Кстати, о горничной. Это одна изъ центральныхъ

ролей въ пьесѣ, что ново для англійской публики, привыкшей видѣть особъ изъ высшихъ круговъ общества; Stasid — что-то вродѣ нашей Настасьи — грязная, довольно оборванная дѣвица, воспитанница «исправительнаго заведенія», съ свободнымъ языкомъ и не затрудняющая себя въ вопросахъ личной нравственности. Далѣе передъ нами майоръ въ отставкѣ, котораго поѣдомъ ѣсть за бѣдность его сварливая жена, и который — *ho gibile dictu!* — таскаетъ хлѣбъ у миссисъ Шарръ, — можно-ли придумать большее оскорбленіе для англійскаго буржа-джингоиста?! У этой несчастной четы — красавица дочь, Вивіанъ, также не особенно скромнаго поведенія. За ней ухаживаетъ молодой талантливый художникъ Пенни, живущій продажей неприличныхъ картинъ; съ большимъ успѣхомъ увивается около Вавіанъ бывший «букмекеръ», нажившій денегъ на скачкахъ и бѣгахъ, уже значительно потрепанный жизнью. Вереницу типовъ заканчиваютъ плутоватый финансистъ-еврей съ своимъ помощникомъ, немолодая «раскрашенная леди», крадущая у хозяйки свѣчи, и болтливая старуха съ темнымъ прошлымъ, хвастающая всѣмъ и каждому, что у нея есть кузень-баронетъ. Въ такую-то небольшую, но теплую компанію является «странный незнакомецъ». Во второмъ актѣ, который Джеромъ назвалъ «представленіемъ», сказываются слѣды его пребыванія. Незнакомецъ, обладающій даромъ всевѣдѣнія, и проникающій даже въ самые скрытые уголки давно минувшаго прошлаго, пробуждаетъ въ каждомъ изъ обитателей «boarding-house'a» заснувшую душу и заставляетъ заговорить давно молчаливыя струны. Средства его, впрочемъ, довольно примитивны и опять напоминаютъ намъ старика Луку, — онъ въ сущности только — напоминаетъ имъ, что они хорошіе люди. Характеренъ его отвѣтъ финансисту, который старался всучить ему акціи компаніи, эксплуатирующей несуществующіе серебряные рудники. «Я беру ваши акціи», сказалъ онъ (цитирую на память), «потому что привыкъ всегда вѣрить

Г-жа Какштъ.

словамъ представителей талантливѣйшей, трудолюбивой и много перестрадавшей еврейской націи, и привыкъ глубоко уважать ихъ». Подъ магической силой внушенія таинственнаго незнакомца всѣ эти очерствѣвшіе люди оживаютъ, вспоминаютъ забытые слова и — къ великому удовольствію успокоен-

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

„Марья Ивановна“.

Орловъ Заокскій—г. Аполлонскій. (Рис. А. Любимова).

наго зрителя—совершенно перерождаются. Тайну этого «перерожденія» приходится всецѣло оставить на отвѣтственности писателя, но это спасло пьесу отъ провала въ глазахъ англійской публики.

Третій актъ, «эпilogъ», рисуетъ намъ происшедшія перемѣны. Стася общается жить для «лучшаго»; букмекеръ отказывается отъ Вивіанъ, и она выходитъ замужъ за Пенни, который сжигаетъ свои неприличные картины и рѣшаетъ рука объ руку съ молодой женой начать трудовую жизнь, не боясь лишеній; «раскрашенная лэди» смываетъ свои краски, и болтливая старуха признается, что никакого баронета среди ея родныхъ никогда и не было.

Во всякомъ случаѣ мы можемъ сказать, что имѣемъ дѣло съ незаурядной пьесой, которая можетъ имѣть успѣхъ и на русской сценѣ, если только... если ее не постигнетъ судьба «Ганнеле», гдѣ также выведенъ «незнакомецъ». Исполняется пьеса на сценѣ St. James Theatre прямо-таки превосходно. Роль порывистой, необузданной Стаси ярко исполняется г-жей Эллиотъ (родственницей писательницы). Замѣчательно выдержанно въ мягкихъ, спокойныхъ тонахъ играетъ «Незнакомца» Форбсъ-Робертсонъ, который въ прошломъ году далъ великолѣпный образъ Цезаря въ «Цезарѣ и Клеопатрѣ» Бернарда Шоу.

Колоссальный успѣхъ имѣетъ у Бирбома Три въ His Majesty's Theatre *феерія*: «Фаустъ» Гете; пишу—феерія, потому что талантливый изобрѣтатель сценическихъ фокусовъ, г. Три сумѣлъ оставить отъ великой трагедіи только рожки да ножки и все свелъ къ внѣшней обстановочной сторонѣ. Когда я это пишу, мнѣ вспоминается, что то же обвиненіе не рѣдко воздвигается и противъ Московскаго Художественнаго театра. Будучи поклонникомъ послѣдняго, (въ чемъ я всегда расходился съ уважаемымъ А. Р. Кугелемъ), я хотѣлъ-бы избѣжать возможныхъ, но неприятныхъ для меня выводовъ. Бирбомъ Три — несомнѣнный знатокъ сцены, но во всей его компановкѣ явно проглядываетъ одна цѣль—ошеломить, поразить, ошарашить зрителя неожиданными эффектами, которые должны бить въ носъ, но, разумѣется, въ красивой, негрубой формѣ, чего мы не видимъ въ постановкахъ Художественнаго театра, всегда полныхъ изящной, мягкой изысканности и артистичности.

Гастроли г-жи Кякштъ въ Empire'ѣ проходятъ съ успѣхомъ. Англичане съ почтеніемъ относятся къ ея длинному титулу — «premiere danseuse from the Imperial Theatre, St. Petersburg», а ея красота, молодость и техника завоевываютъ все больше симпатій, хотя Кякштъ пришлось выступать рядомъ съ любимицей лондонской публики Adeline Genée. «Ега» пишетъ, что Кякштъ, являясь представительницей классической школы хореографическаго искусства, выдерживаетъ съ успѣхомъ сравненіе съ самой «несравненной» Genée. Корреспондентъ «Illustrated Sporting and Dramatic News» въ шутиливой статьѣ замѣчаетъ, что фамилію «Kyaksht» очень трудно написать, и еще труднѣе выговорить; далѣе наговоривъ комплементовъ г-жѣ Кякштъ, онъ отдаетъ все-таки преимущество m-lle Genée, которая «является артисткой, умѣющей танцовать, и танцовщицей, умѣющей играть»; между тѣмъ «чѣмъ сильнѣе кружится m-lle Kyaksht, тѣмъ холоднѣе она смотритъ», заканчиваетъ онъ. И это вѣрно. Техникой пуанта англичанъ не удивишь, они требуютъ внесенія въ хореографію мимики. Нужно посмотреть, какой прекрасной *ingenue comique* является m-lle Genée! А на хорошенькомъ личикѣ г-жи Кякштъ такъ и застыла одна стеклянная улыбка. Въ данный моментъ Genée уѣхала на гастроли въ Америку, и Кякштъ съ успѣхомъ несетъ на себѣ тяжесть отвѣтственныхъ ролей. «Ега» сообщаетъ, что зимой въ томъ же Empire'ѣ пойдетъ новый балетъ «Paris», гдѣ главную роль опять таки будетъ исполнять наша талантливая соотечественница.

Bel-Ami.

Изъ театральныхъ воспоминаній *).

Горбуновъ.

Помню я его и въ розовой ситцевой рубашѣ, съ видимой неохотой и досадой рассказывающаго въ Александринскомъ театрѣ «сцену изъ народнаго быта, сочиненную имъ же» (такъ всегда значилось на афишѣ), — и въ «брачныхъ одеждахъ», читающаго на литературномъ утрѣ или пушкинскаго «Гусара» (рѣже — сцену въ корчмѣ

*) Отчаявшись, по недосугу и нездоровью, изложить свои театральныя воспоминанія въ связанномъ разсказѣ, рѣшаюсь печатать ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они сохраняются еще не ослабѣвшей памятью. Можетъ-быть кто-нибудь ими и заинтересуется. В. А.

изъ «Бориса Годунова»),—и въ одеждахъ обыкновенныхъ, среди пріятелей, сыплящаго анекдотами изъ области «не при дамахъ будь сказано». И многіе, конечно, помнятъ. А тѣмъ, кто не зналъ его или, по крайней мѣрѣ, не слышалъ, до него, пожалуй, и дѣла нѣтъ. Поэтому вспоминать вообще о Горбуновѣ я не собираюсь. Я хочу передать только то, что запомнилось мнѣ изъ непосредственного общенія съ нимъ и что, вѣроятно, далеко не всѣмъ знавшимъ его извѣстно.

Какъ-то лѣтомъ путешествовалъ Горбуновъ по Россіи съ извѣстнымъ въ свое время провинціальнымъ актеромъ-чтецомъ Никитинымъ. Желѣзныхъ дорогъ у насъ тогда еще было немного, и путешественникамъ то и дѣло приходилось пересаживаться изъ вагона на перекладную либо обратно. Случалось имъ и высиживать по нѣскольکو часовъ на почтовыхъ станціяхъ въ ожиданіи лошадей: съ проѣзжавшими по своей, а не по казенной надобности, не церемонились. Въ одну изъ такихъ высидокъ расположились они на стаціонномъ крыльцѣ, глядя—ужъ тутъ и публика. Ямщики провѣдали, что пріѣхали «ахтеры», и собрались поглазѣть на нихъ. Вскорѣ, впрочемъ, вниманіе публики было отвлечено отъ пріѣзжающихъ новымъ зрѣлищемъ—свадебными сценами изъ собачьяго быта. Это оказалось куда занятнѣе, особенно для молодого парня, явнаго спортсмена по этой части. При каждомъ «комическомъ выходѣ» онъ то гоготалъ, то взвизгивалъ... и вдругъ раздалось прямо изъ души вырвавшееся восклицаніе:

— А-а-ахте-о-оры!

И на придачу—истинно-русское привѣтствіе.

Сидѣлъ Горбуновъ, съ компаніей, въ общей залѣ ресторана. Подвыпитіе его близилось уже къ той стадіи, которую нѣкій остроумецъ обозначилъ терминомъ: «не пролей». Шла рѣчь о разнаго рода общественныхъ хищеніяхъ.

— И что этого нынче воровства развелось!—громко сокрушался И. Ф.:— вотъ еще намереніи Сашку С. судили за растрату... И какія деньги-то растратилъ! слезныя деньги!

Вдругъ сидѣвшій за сосѣднимъ столомъ неизвѣстный господинъ порывисто всталъ, подошелъ къ И. Ф. и рѣшительно заявилъ:

— Попрошу васъ о г-нѣ С. такъ не отзываться!

И. Ф. тоже всталъ (не безъ труда, надо правду сказать), оперся ладонями о столъ и, пріятно улыбаясь, спросилъ:

— Съ кѣмъ имѣю честь?

— Я другъ г-на С.!

— Убирайтесь вы къ... матери!

Собутельники И. Ф. замерли въ ожиданіи скандала. Но предположеніе было сдѣлано съ такой изысканной вѣжливостью, что «другъ г-на С.» самъ же сконфузился—и молча вернулся на мѣсто.

Натолкнулся я однажды въ ресторанѣ на Горбунова и подсѣлъ къ нему. Заговорили почему-то о народномъ художественномъ творествѣ и о томъ, какъ простой русскій человѣкъ относится къ произведеніямъ изящнаго искусства. Въ видѣ иллюстраціи И. Ф. передалъ мнѣ рассказъ, слышанный имъ отъ эрмитажнаго служителя.

Натираютъ въ скульптурномъ отдѣленіи Эрмитажа полы. Нѣсколько служителей слѣдятъ, чтобы чего не толкнули и не задѣли.

— Легче! легче!—предостерегаетъ служитель полотера, подѣзжающаго на щеткѣ къ статуѣ Кановы.

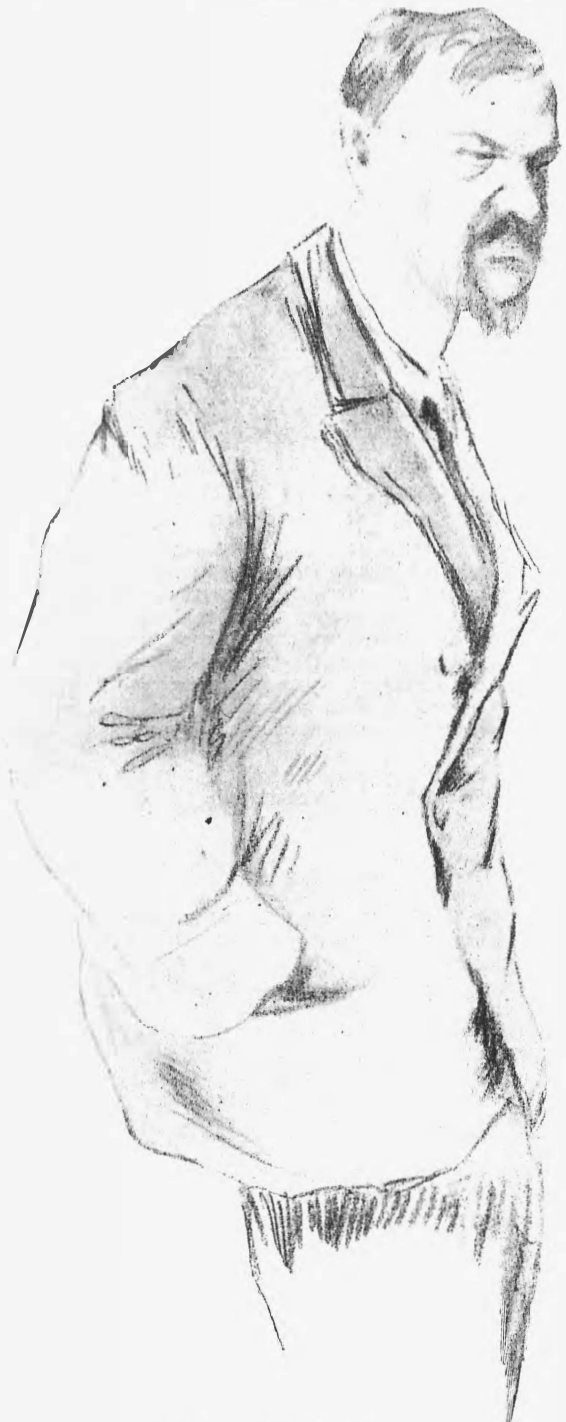
— Чего ужъ!—возражаетъ тотъ:—слава те, Господи, не впервой...

Подѣхалъ вплотную, остановился, смѣрилъ глазами съ верху до низу, провелъ пальцемъ подъ носомъ (обычный жестъ И. Ф. въ концѣ почти каждаго разсказа) и глубококомысленно изрекъ:

— Ужъ и чего только нашъ братъ мастеровой не сдѣла-ать!

На одномъ изъ вечеровъ стараго клуба художниковъ, помѣщавшагося тамъ, гдѣ теперь помѣщается русское собраніе, Горбуновъ исполнялъ обязанности дежурнаго старшины. Бритая физіономія, фракъ, бѣлый галстукъ и клубный значекъ на отворотѣ фрака ввели въ заблужденіе какого-то гостя, очевидно, изъ заѣзжихъ.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

„Марья Ивановна“.

Бородинъ—г. Яковлевъ. (Рис. А. Любимова).

— Принеси-ка мнѣ, братецъ, стаканъ чаю! — по-тогдашнему еще, на «ты», приказалъ гость проходившему мимо И. Ф.

Тотъ и глазомъ не моргнулъ, сказалъ: «слушаю-съ» и принесъ стаканъ чаю, какъ слѣдуетъ, на подносѣ и даже съ салфеткой подъ мышкой.

Хоронили Горбунова. Гдѣ-то по дорогѣ остановились, чтобы отслужить литію. Вдругъ изъ толпы суетливо выскочилъ генералъ Н., извѣстный фотограф-любитель, и набросился на окружившихъ гробъ факельщиковъ:

— Откройте гробъ! откройте гробъ!

И факельщики и ближайшая публика изумились: зачѣмъ это понадобилось открывать гробъ и, главное, какое право имѣетъ генералъ этимъ распоряжаться!

Оказалось недоразумѣніе, разъяснившееся уже послѣ того, какъ шествіе снова тронулось. Генералъ хотѣлъ сдѣлать съ гроба снимокъ и, придерживаясь фотографической терминологіи, вмѣсто: «отступитесь отъ гроба», кричалъ «откройте гробъ».

Такимъ образомъ, даже и на похоронахъ Горбунова безъ комическаго эпизода не обошлось.

В. Лихачовъ.

Кіевская „исторія“.

Въ Кіевѣ разразилась театральная «исторія» съ рецензентомъ «Кіевской Мысли», П. М. Ярцевымъ.

Въ воскресенье, 21 сентября, нами были получены слѣдующія двѣ телеграммы изъ Кіева:

«Сегодня, передъ началомъ утренняго спектакля въ театрѣ „Соловцовъ“, со сцены было прочитано требованіе дирекціи театра, вызванное заявленіемъ артистовъ труппы объ удаленіи изъ театра рецензента „Кіевской мысли“ П. М. Ярцева, съ угрозой въ противномъ случаѣ прекратить спектакль, возвративъ публикѣ деньги. Считаю, что подобное заявленіе нарушаетъ элементарныя правила корректности по отношенію къ представителямъ печатнаго слова, мы нижеподписавшіеся обращаемъ на это обстоятельство вниманіе Совѣта Театральной Общества».

Театральные рецензенты: Н. Николаевъ, И. Джонсонъ, С. П. Померанцевъ, М. Рабиновичъ, И. Дриликъ, М. Эйшикинъ.

Сегодня въ театрѣ „Соловцовъ“, передъ началомъ утренняго спектакля, произошелъ прискорбный, возмутительный инцидентъ. Дирекція театра со сцены заявила, на основаніи коллективнаго заявленія труппы, требованіе объ удаленіи изъ театра рецензента „Кіевской Мысли“ Ярцева, угрожая въ противномъ случаѣ отиѣнить спектакль. Возмущенные подобнымъ поступкомъ, мѣстные рецензенты единогласно признали невозможнымъ писать о театрѣ „Соловцовъ“ до полученія возможнаго удовлетворенія.

Присоединяясь къ этому рѣшенію, задерживаю очередное письмо, о чемъ считаю долгомъ извѣстить редакцію и читателей журнала. Подробности сообщу письмомъ.

На слѣдующій-же день, какъ и слѣдовало ожидать, петербургскія газеты отмѣтили этотъ прискорбный инцидентъ, сопроводивъ его весьма рѣзкими комментаріями.

Во вторникъ мы получили по телеграфу слѣдующее письмо въ редакцію отъ группы артистовъ, подписавшихъ заявленіе.

М. г. Г. редакторъ не откажите дать мѣсто слѣдующимъ строкамъ. Вотъ точная редація сдѣланнаго нами заявленія передъ спектаклемъ 21 сентября утромъ („Гроза“). Въ виду въ высшей степени оскорбительныхъ для театра и для насъ, газетныхъ нападокъ въ грубой формѣ и тонѣ г. Ярцева, мы

просимъ васъ, Исаакъ Эзровичъ, заявить публикѣ, что пока г. Ярцевъ сидитъ въ театрѣ, мы не въ силахъ выйти на сцену и спокойно дѣлать свое дѣло».

Заявленіе это и было прочитано со сцены. Мы готовы признать, что подобнаго рода выступленіе, вообще, недопустимо въ театрѣ и не должно было имѣть мѣста, но *audiatur et altera pars*. Съ самаго начала сезона г. Ярцевъ систематически травилъ (другого выраженія мы не можемъ подобрать) актеровъ, театръ, все дѣло. Тонъ рецензій былъ всегда самый обидный и оскорбительный, задѣвающій человѣческое достоинство каждого изъ насъ. Въ выраженіяхъ г. Ярцева не стѣснялся. Говоря объ исполненіи пьесы „Освобожденіе Человѣка“, онъ позволилъ себѣ такую фразу: „играть такъ, значитъ заниматься любовью въ одиночку (!)“. Самая манера его, сидя въ театрѣ, все время записывать что-то въ книжку, точно на экзаменѣ, нервила многихъ до того, что опытные актеры прослужившіе, въ театрѣ не одинъ десятокъ лѣтъ, не могли взять себя въ руки и спокойно играть. Нервное напряженіе росло въ труппѣ съ каждымъ днемъ.

За нѣсколько дней до „Грозы“, г. Ярцевъ въ фельетонѣ относительно „отвратительнаго“ исполненія пьесы „Безприданница“, между прочимъ, писалъ: „у меня мало матеріала, подождемъ „Грозы“ — понятно, съ какимъ чувствомъ мы ждали этой „Грозы“, а въ день спектакля появилась новая рецензія, обливающая грязью все дѣло. Возбужденіе наше дошло до послѣдней степени: мы не могли не только спокойно думать о роляхъ, но даже какъ-то слѣдуетъ загромироваться. Мы вѣдь не машины, а живые люди, съ больными и издерганными нервами, и мы ясно почувствовали, что играть въ такомъ состояніи мы не въ силахъ, и тутъ же передъ самымъ началомъ спектакля, сдѣлали вышеозначенное заявленіе. А теперь пусть насъ судитъ общество: А. Пасхалова, М. Стрѣшневъ, В. Болховской, Н. Степановъ, А. Рудницкій, М. Чужбинова, О. Невѣрова, В. Врянскій, В. Молотовъ, В. Крюковской, М. Александровичъ, Е. Любавская, А. Токарева, В. Дагмаровъ, Е. Матрозова, А. Полонскій, Н. Эллисъ».

Чтобы дополнить фактическую часть мы обратимся къ послѣднимъ рецензіямъ П. Ярцева въ «Кіев. Мысли», которыя «довели» до «послѣдней степени» возбужденіе актеровъ.

Въ рецензії о «Безприданницѣ», послѣ довольно распространенной общей части, вродѣ указаній на то, «что съ Островскимъ русская сцена, своей школы не имѣвшая, потеряла всякую школу», идетъ, собственно, рецензія.

Трудно передать, въ какой степени отвратительно было поставленъ и сыгранъ Островскій („Безприданница“) на сценѣ театра „Соловцовъ“! Тутъ ужъ не до пріемовъ — о пріемахъ изображенія Островскаго на сценѣ, о прямыхъ выводахъ изъ того, что здѣсь написано — мы поговоримъ послѣ „Грозы“ —будетъ больше матеріала. Тутъ хоть бы что-нибудь, пусть не Островское, а вообще человѣческое на сценѣ. Г. Недѣлинъ — онъ комикъ (отъ „комедія“, не отъ комическаго въ смыслѣ смѣхотворнаго), но развѣ этого достаточно г. Недѣлину, чтобы рискнуть играть теперь Паратова? Вѣдь его Паратовъ — „военный генералъ“ изъ „Казенной квартиры“, а порою — старикашка изъ „Ярма“. Вѣдь это было стыдно и смѣшно. И больше стыдно, чѣмъ смѣшно.

Ничтожна и некрасива русская театральная сцена въ этомъ большомъ красивомъ городѣ. Теперь ужъ это можно сказать: все открылось и все обнаружилось. Ну, хорошо — есть Чаруская, Юрьева, Пасхалова, Токарева, есть Недѣлинъ, есть способная молодежь, и излишне робкій режиссеръ Савиновъ не безталаненъ. Но развѣ есть труппа — есть нѣчто цѣлое, и гармоничное? и т. д.

Рецензія заканчивается такъ:

Опытъ постановки Гоголя и Островскаго открылъ у театра одно только лицо. Ту слѣпую и развратную кассовую изнанку, которой нѣтъ дѣла до высокихъ сценическихъ образцовъ, которая потратитъ десять репетицій (я не знаю, сколько ихъ было въ дѣйствительности), напиримѣръ, на Юшкевича, а Островскій и Гоголь — и такъ сойдутъ, „играны“ — которая для „Самозванца“ распишетъ декорации, нагонитъ статистовъ, а „Безприданницѣ“ такъ обставитъ, что стыдно смотрѣть. Кто это пѣлъ за сценой въ „Безприданницѣ“ — и въ такомъ моментѣ! — такимъ гнуснымъ голосомъ, и этотъ хоръ — какой это былъ хоръ? Что изображаетъ въ „Безприданницѣ“ декорация перваго и послѣдняго актовъ, какъ умудрились ее повѣсить — и она не развалилась?

Вторая инкриминируемая рецензія, на которую ссылаются авторы письма въ редакцію, объ «Освоб. человѣка» гласитъ, въ главныхъ частяхъ своихъ слѣдующее:

Это очень курьезно написано и очень весело. Иногда кажется, что все, что говорится на сценѣ—а на сценѣ повторяются слова: „я долженъ былъ взять ее“, „я должна ему отдаться“, надо „освободить инстинкты“, „да здравствуетъ великій освобождающій грѣхъ“! — говорится совсѣмъ не въ серьезъ, а какой-то злой чеповѣкъ придумалъ все это серьезно говорить, чтобы посмѣяться надъ публикой. Неизвѣстно, кто написалъ этотъ романъ, кто его переделалъ для сцены и самъ русскій переводчикъ называется Невѣдомымъ. Вообще таинственный спектакль.

Эти милые безстыдники, которые любятъ повторять: „отдайся!“ „возьми!“ и даже: „Взять меня? Вы меня не просили“. совсѣмъ не знаютъ радости того, о чемъ говорятъ: они—люди съ инстинктами потухшими и извращенными. Потому-то и нужны имъ „крѣпкія слова“, которыя были бы способны ихъ

«объективный» матеріалъ для сужденія. Вотъ что доводить актеровъ съ «издерганными нервами» до послѣдней степени раздраженія и толкаетъ ихъ на невѣроятныя выступленія, въ которыхъ, какъ можно заключить изъ письма актеровъ, они сами готовы раскататься!

Что форма «протеста» кievскихъ актеровъ недопустима—со всѣхъ сторонъ и всякихъ точекъ зрѣнія—объ этомъ толковать нечего. Въ этомъ вѣдь, полу-извиняясь, сознаются и сами лица, подписавшія телеграмму въ нашъ журналъ. Въ концѣ-концовъ сидѣніе рецензента съ записной книжкой,—не

ТЕАТРЪ ЛИТЕР.-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА.

„Когда рыцари были храбры“, дѣйствіе 2-е.

хоть нѣсколько возбуждать. Ибо на самомъ дѣлѣ они всѣ, какъ тотъ „печальный юноша“, про котораго пѣвала Ивета Гильберъ: „Онъ занимался любовью въ одиночествѣ“.

Когда на сценѣ заламываютъ руки, мечутся, трепещутъ и протягиваютъ въ носъ: „не хоч-чу!“ (г-жа Пасхалова), когда на сценѣ произносятся зычно, безпрестанно подхихкивая, присѣдая на колѣняхъ и тѣмъ изображая здоровое широколоушье (г. Смирновъ), когда на сцену появляются въ пальто, живописно накинутаго на одно плечо, таинственно останавливаются на порогѣ, произносятъ сдавленно: „добрый вечеръ“, а потомъ начинаютъ—и до конца продолжаютъ—бѣгать, трясти головой, махать руками и кричать, употребляя интонаціи: „дѣло бѣшенство“, „с-совѣсть“ и т. п. и тѣмъ изображать „страстнаго любовника“ (г. Рудницкій), когда на сценѣ въ одинъ тонъ нарочно десять минутъ невыносимо всхлипываютъ (г-жа Чужбинова), играя жалость и растерянность, когда на сценѣ жеманятся и вертятъ бедрами, играя служанокъ (г-жа Яровая)—то почитается, что такъ чудесно разыгрывать пьесу—значитъ играть ее, изображать сценически. На самомъ дѣлѣ въ отношеніи къ творчеству сценическому это значить „тоже заниматься любовью въ одиночествѣ“.

Дѣйствительно „любилъ“ въ этомъ спектаклѣ только одинъ г. Леонтьевъ (Каспаръ). Какой это славный актеръ и т. д.

Расхваливъ г. Леонтьева, рецензентъ говоритъ въ заключеніе:

Играли такъ, что это были настоящіе (въ живой крови претворенныя) сценическія изображенія—г-жа Чаруская (Зельма Синдаль) и г. Двинскій (Кундъ Ярмеръ, судья). Г. Двинскій хорошій—простой и цѣломудренный—актеръ на такъ называемыя „характерныя“ роли. Этотъ судья въ самомъ дѣлѣ—судья.

Таковы рецензіи, вызвавшія небывалое заявленіе кievскихъ актеровъ. Я привелъ эти выдержки не потому, что признаю возможнымъ, въ результатѣ какихъ бы то ни было рецензій, прибѣгать къ подобнымъ заявленіямъ, но лишь для того, чтобы дать

естъ преступленіе, хотя и не знаю, зачѣмъ г. Ярцевъ это дѣлалъ. Оно, пожалуй, больше годится для режиссера на репетиціяхъ. Я себѣ представляю, впрочемъ, какъ эти суровыя рецензіи должны были съ непривычки, послѣ столькихъ лѣтъ систематическаго каждаго, отозваться на такихъ любимцахъ и любимицахъ, какъ г-жа Пасхалова, г. Недѣлинъ и др.

Какъ однако это грубо, какъ тяжело! Дѣло не въ ударѣ, не въ механическомъ движеніи, а въ психологій, въ мотивахъ, въ атмосферѣ, которая сдѣлала возможнымъ кievское выступленіе. Тутъ коренная боль, трагическое, позволю себѣ сказать, недоразумѣніе, органическая вражда. Въ скрытомъ состояніи это существуетъ всегда, а выступаетъ наружу, въ мѣру воспитанности и культурности актеровъ. Тутъ главное то, что если «моя боль», то я ее чувствую, кричу о ней, посылаю заявленія и телеграммы, прошу «общество» пролить елей на мои истерзанные нервы. А вотъ, если «чужая боль», то я не только къ ней невнимателенъ, но даже увѣренъ, что ея вовсе и не существуетъ...

Я хотѣлъ бы оставить въ сторонѣ, собственно, П. М. Ярцева и его рецензіи. Будемъ оперировать, для удобства, надъ алгебраическими величинами. Актеръ всегда имѣетъ, «истерзанные» нервы. Это его привилегія. Но почему актеръ думаетъ, что у критика полагаются канаты, а не нервы, и состояніе духа должно находиться въ идеальномъ равновѣсіи? Съ одной стороны, у меня «издерганные» нервы, и я могу себѣ позволить то, что позволилъ, а съ другой—сидитъ чеповѣкъ, который ничего себѣ

не можетъ позволить. Я думаю, что у всякаго человѣка, живущаго духовною жизнью и какою-бы то ни было стороною причастнаго къ умственному и художественному труду, могутъ быть «нервы». И не только могутъ быть, а и должны быть. Развѣ критикъ это—присяжный засѣдатель, нотариусъ, бухгалтеръ, счетная машина? Это прежде всего человѣкъ, которому полагается быть такимъ-же огненнымъ, отзывчивымъ, загорающимся, какъ и актеру. Актеръ, играющій свои роли, какъ автоматъ, и критикъ, пишущій свои критики, какъ судья—стоятъ другъ друга. Критика—это искусство, часто, увы, замѣняемое ремесломъ, и нерѣдко преплохимо. Но вѣдь и театральная игра не менѣе часто ремесло, и преплохое. Почему-же только актеръ «художникъ», а критикъ—нѣчто вродѣ швабры, которую вытираютъ пыль со сцены? Аналогія идетъ дальше. Актеръ становится художникомъ отъ автора; критикъ отъ актера. («Нѣтъ хорошихъ пьесъ»—говорятъ актеры. «Нѣтъ хорошихъ актеровъ»—говорятъ критики, и могутъ страдать не менѣе актеровъ.

Если представить себѣ критика даровитаго и конечно, честнаго, съ руками, которыхъ не осквернила «мзда», не утратившаго порывовъ къ идеалу, не научившагося по одежкѣ протягивать ножки,—развѣ у него, при видѣ противныхъ, холодныхъ, развратныхъ явленій театра, сценической лжи, фальсификаціи, обмана, кривлянія—не вырвется стонъ, проклятіе, крѣпкое слово? Но тогда онъ чурбанъ! Когда актеры говорятъ о критикѣ, который подобно аптекарю взвѣшиваетъ на вѣсахъ яды, и осторожно всякій разъ провѣряетъ, не переложилъ ли скрупулъ нѣчто вмѣсто того, чтобы положить направо—какого, собственно, критика они имѣютъ ввиду? Навѣрное такого, котораго они не станутъ читать, потому что онъ должно быть безмѣрно вялъ, скученъ и неинтересенъ...

Я не защищаю нашу театральную рецензію. Странно было-бы, если-бы среди всѣхъ несовершенствъ, а подчасъ и ужасовъ нашей жизни, вдругъ засіяла бѣлоснѣжными одеждами и золотымъ вѣнцомъ театральная рецензія. Но пусть спросятъ себя актеры, антрепренеры, режиссеры: многіе-ли изъ нихъ чистосердечно допускали свободу критики, разъ она имъ непротивна? Тысячи давленій, самыхъ разнообразныхъ, предпринимаются для того, чтобы стѣснить, задавить свободную критику, если она непротивна. Начинаютъ съ подкупа. Если онъ не удается, переходятъ къ лести. Если лести остается безъ результата, переходятъ къ жалобамъ, къ застрачиваніямъ и, наконецъ, къ скандаламъ.

Да я знаю, великъ «мартирологъ», такъ сказать, русскаго актера, которому какой же недоучившійся гимназистъ или тупица, или взяточникъ, или вымогатель, или «сердечкинъ», или просто негодяй не отравлялъ жизнь глупыми, лживыми, бездарными, клеветническими рецензіями! Но смѣю завѣрить, не малъ и мартирологъ русскаго рецензента, котораго, случалось, самыя искреннія мысли, чувства и настроенія втаптывались въ грязь сплетень, клеветъ, доносовъ и наконецъ, расправъ вродѣ той, какая случилась въ Кіевѣ. Вы этого не знаете, гг. актеры, но повѣрьте, что оно такъ, и когда-нибудь я напишу о томъ, что приходится претерпѣть иному рецензенту. Года два назадъ въ Петербургѣ образовался кружокъ рецензентовъ, поставившій своею задачею защиту своихъ профессиональных интересовъ, своей свободы—извнѣ отъ театровъ и изнутри отъ издателей. По нѣкоторымъ причинамъ, жизнь кружка замолкла и затихла. Но какъ вы думаете, если-бы рецензенты покоились на розахъ, зачѣмъ-бы

имъ понадобился союзъ взаимной поддержки и защиты?

Одинъ драматургъ, котораго критика пощипывала, выразился однажды, что критика наша это, какъ говорятъ въ Одессѣ: «чи хвалятъ, чи ругаютъ». Но вѣдь и обратно, все отношеніе къ рецензенту таково: «чи хвалятъ»—значить, хорошъ, «чи ругаютъ»—значить, мерзавецъ. Да и такъ-ли еще? Не дохвалить иной разъ—сочтутъ за личное оскорбленіе. Мнѣ рассказывалъ какъ-то П. Л. Скуратовъ, какъ онъ, въ бытность антрепренеромъ, попалъ въ затруднительное положеніе съ афишей, благодаря тому, что у него были двѣ актрисы, которыхъ надо было писать въ красную строку. Ну, какъ ихъ напечатать? Одна непременно обидится, потому что другая будетъ торжествовать. Думалъ онъ, думалъ, и наконецъ рѣшилъ сдѣлать изъ красныхъ строкъ двуглавую змѣю. Такъ и напечаталъ: у одной вверху было начало фамилии, у другой—конецъ. Ни малѣйшаго преимущества. Этимъ только и спасся отъ «истерзанныхъ» нервовъ, и избѣгнулъ апелляцій къ «обществу».

Да, натискъ на рецензію, на свободную, независимую критику идетъ. Она еще держится, но дышитъ все тяжелѣе и тяжелѣе. Я не имѣю ввиду П. М. Ярцева, какъ опредѣленнаго рецензента. Для меня онъ символъ. Когда припомнишь, что знаешь, что слышалъ, что испыталъ, кievская исторія начинается казаться символическимъ перстомъ современности. «Уйди!»—говорятъ актеры рецензенту, который ихъ бранитъ и котораго нельзя заставить перемѣнить свой «образъ мыслей». И онъ уходитъ...

Но послушайте,—такъ уйдетъ вся театральная рецензія—я разумѣю: вся независимая, свободная рецензія. Она уйдетъ изъ нашего театра, какъ, наприкладъ, она уже ушла изъ французскаго или италіанскаго. Двусторонній натискъ—капиталистической безпринципности издательскаго дѣла съ одной стороны, и театральнаго подкупа всякаго вида, съ другой—привелъ тамъ къ тому, что рецензія—это просто хорошо оплаченное объявленіе. А если не заплачено, тогда молчокъ, и кончено. Всѣ довольны. Коемуждо воздастся по тарифу, самолюбіе не страдаетъ, а рецензентъ избавленъ отъ всякихъ непротивностей. Наоборотъ, какъ «уважаемый контрагентъ», онъ всюду желанный гость.

Повторяю: я говорю о символическомъ рецензентѣ, котораго приглашаютъ уйти, потому что онъ непротивенъ. Онъ уйдетъ. Между нами говоря, какая же радость быть театральнымъ критикомъ, если взятку не брать, донжуанствомъ не заниматься и отъ аферъ держаться въ сторонѣ? Единственное, что наполняетъ жизнь рецензента, не берушаго взятку и чуждаго разнаго вида шантажей—это сознаніе своей независимости, своей, если хотите, абсолютной свободы: отъ чего угодно въ театрѣ загораться, чѣмъ угодно пламенѣть, на что угодно отзываться всей, ему доступною, лирикою души, и точно также всю злобу за поруганіе «святого искусства», изливать на недостойныхъ. Но тутъ онъ встрѣчаетъ «натискъ». Если не физическій, то моральный. Если его не оскорбляютъ, не шельмуютъ, не пишутъ дурацкихъ и пошлыхъ доносовъ и извѣстовъ, то выставляютъ на видъ призраки «имъ замученныхъ» людей, которыхъ нервы «истерзаны», и по его винѣ,—всѣ эти маленькія трагедіи разобиженныхъ «художниковъ сцены», среди которыхъ онъ одинъ—темная газетная душонка—бродитъ безпощаднымъ грызуномъ.

Онъ уйдетъ изъ театра. Онъ уйдетъ изъ театра потому же самому закону естественнаго отбора, по какому уходятъ крупные люди изъ другихъ про-

фессій, не дающихъ ни красоты, ни радости. Театръ останется безъ критики—съ одною платною рекламою и безсодержательнымъ наборомъ пустопожнихъ комплиментовъ, вмѣсто рецензій.

А между тѣмъ, какъ нужна театру рецензія, какъ необходима! И не столько для исправленія актера и указанія ошибокъ, какъ нѣкоторые думаютъ, сколько для того, чтобы горѣлъ интересъ къ театру, безостановочно шель обмѣнъ идей, ростъ художественнаго сознанія...

Не гнать, а звать рецензію къ себѣ—обязанъ театр. Была бы она только искренна и вдохновенна. Пусть зла, несправедлива (ибо что есть истина?), но только свободна и самопроизвольна въ своемъ зарожденіи. И вотъ что печальнѣе всего въ кievской исторіи. Призывъ «уйдите! вы намъ мѣшаете!»—относится не къ данному лицу и не къ данной рецензіи—онъ относится къ рецензіи вообще. И олицетворенная рецензія скажетъ:

— Зачѣмъ я здѣсь? Кому я нужна? Чернаго и бѣлаго не называть, да и нѣтъ не говорить—это дѣло, не стоящее ни одной капли моей искренней печали, ни одного дуновения моей радости. Я должна быть самой собой, но этимъ я мѣшаю людямъ съ «истерзанными нервами». Такъ лучше я уйду...

И она уйдетъ изъ театра. Смѣлая, откровенная, рѣшительная рецензія уйдетъ. «Истерзанные нервы» получатъ покой, но вмѣстѣ съ покоемъ водворится плѣсень стоячаго болота. А съ рецензіей, уйдетъ изъ театра совѣсть.

Да, господа, если вы не создадите въ театрѣ удобныхъ, ласковыхъ, пріятныхъ условій для существованія *независимой* рецензіи, какъ бы она подчасъ ни была обидна и непріятна, лишь бы чиста въ основаніяхъ, — она уйдетъ. А взяточники не уйдутъ, ибо брюхо ищетъ хлѣба. А невѣжды не уйдутъ, ибо не все ли равно невѣждѣ, о чемъ и какъ писать? А продающіе перо свое не уйдутъ, ибо не все ли равно кому продавать?..

Въ «Войнѣ и Мирѣ» Толстой развиваетъ мысль относительно сословія военныхъ, которыхъ общество окружаетъ «почетомъ», потому что иначе оно вознаграждать ихъ не можетъ за услуги, оказываемыя ими. Приблизительно такова его мысль,—въ историческомъ своемъ основаніи, довольно вѣрная. Скажу то же самое и о печати. Окружайте ее уваженіемъ, если вы понимаете все благотворное ея значеніе,—иначе изъ нея уйдетъ все независимое и благородное, а останется одно пошлое и продажное. Не наносите символическихъ оскорбленій флагу, ибо не тряпку срываете вы, а больно ударяете по достоинству и національному чувству народа.

Вотъ въ чемъ самая грустная, самая тяжелая сторона кievскаго происшествія. Я нахожу, что она нанесла страшный ударъ не г. Ярцеву или кому нибудь другому, а рецензіи, вообще, что всякій театральный рецензентъ, обладающій чуткою душою, почувствуетъ себя оскорбленнымъ въ дѣлѣ своемъ, въ достоинствѣ своемъ, и цѣлый рядъ мучительныхъ вопросовъ встанетъ предъ нимъ со всею остротою. Какъ легко полюбить, такъ легко и охладѣть... А вѣдь хорошихъ людей удерживаетъ въ театрѣ не корысть, а любовь. Тѣхъ, кто корыстенъ, вы гоните въ одну дверь, а войдутъ они въ другую. Но тѣхъ, кто любитъ, если выгонишь, такъ не вернешь... Можетъ быть, физически, тѣло по привычкѣ будетъ покоиться въ рецензентскомъ креслѣ, но душа будетъ уже далеко, далеко...

Исчерпать эту тему трудно. Можетъ быть, я еще къ ней вернусь. Мнѣ хотѣлось только указать актерамъ на опасный путь, на который они вступили. Я знаю, что многіе, въ глубинѣ души, сочувству-

ютъ кievскому выступленію (не формѣ, конечно, но «идеѣ»), ибо противъ кого либо изъ рецензентовъ у всѣхъ «накипѣло». И въ этой-то атмосферѣ, благоприятствующей, вообще, расправѣ съ печатью (хотя, разумѣется, не столь дикой)—все дѣло. И я бы страстно желалъ,—въ интересахъ театра, которому мы всѣ служимъ — чтобы сценическій міръ понялъ, какъ онъ играетъ своими «истерзанными нервами» на руку застою, рутинѣ, продажной рецензіи, и какъ ослабляетъ силу печатнаго слова, оскорбляя его символъ. Я говорю за печать, которая своей борьбой и остротой знаменуетъ жизнь... Господа! Со знайте, что печати, а не только г. Ярцеву, нанесено оскорбленіе! Задумайтесь надъ тѣмъ, къ какимъ это можетъ привести печальнымъ послѣдствіямъ, и поднимите флагъ, который вы затоптали. «Не тебѣ кланяюсь, а вселенскому страданію», — говоритъ Раскольниковъ. Такъ и тутъ. Есть же что-то несомнѣнное, великое и безспорное въ печати, какъ олицетвореніи самой дорогой свободы человѣка—свободы мысли и слова. И предъ этой благодатной силой, такъ много страдавшей и въ борьбѣ обрѣтшей свое право—не стыдно склонить покаянную голову.

А. Кугель.

Письмо изъ Кіева.

(По поводу инцидента въ театрѣ «Соловцовъ».)

Итакъ приходится говорить о непристойной комедіи, сочиненной и разыгранной на сценѣ бывшаго Соловцовскаго театра дирекціей, администраціей и нѣкоторыми артистами труппы г. Дувана-Торцова. Невеселая тема и на грустные размышленія наводитъ она. «Жестокіе нравы, сударь, въ нашемъ городѣ, жестокіе!» Такъ говоритъ Кулигинъ въ той самой «Грозѣ», которая шла на сценѣ въ день печальнаго инцидента въ театрѣ «Соловцовъ». И дальше, на вопросъ Бориса, отчего онъ не напишетъ объ этихъ нравахъ, Кулигинъ съ испугомъ возражаетъ: «Какъ можно, сударь, съдѣять, живого проглотять? ... Какое удивительное совпаденіе, какъ подходятъ эти слова и къ нашей затхлой средѣ! Идутъ, идутъ молодая, свѣжія, интеллигентныя силы, борются, страдаютъ, гибнутъ даже, потому что, ... между собою-то, сударь, какъ живутъ! Торговлю другъ у друга подрываютъ и не столько изъ корысти, сколько изъ зависти. Враждуютъ другъ на друга...» Рѣдѣетъ постепенно мракъ, но какъ медленно, какъ далеко еще первый настоящій, свѣтлый весенній день! И приходится радоваться пока отдѣльнымъ свѣтлымъ лучамъ въ нашемъ «темномъ царствѣ». Спасибо и на томъ, что есть такіе и что прибываютъ они съ каждымъ днемъ. А тѣ, старыя, что пребываютъ еще въ косности и мракѣ темнаго царства... Прости имъ, Господи, не вѣдаютъ бо что творятъ. Но до чего грустно, что въ подобныхъ рукахъ находится судьба русскаго театральнаго искусства! «Что они Гекубы? Что Гекуба имъ?» Могутъ-ли они должнымъ образомъ относиться къ своему искусству,—дѣлу огромной важности, требующему отъ своихъ служителей особой культурности, сознательности и чуткости, когда они не въ состояніи понять даже такой элементарной для интеллигентнаго человѣка истины, какъ свобода сужденій и слова? Они оскорблены тономъ рецензій г. Ярцева, а не оскорблены они тѣмъ, что по существу возмущившія ихъ рецензії въ общихъ чертахъ соответствуютъ дѣйствительности и солидарны съ отзывами и остальныхъ мѣстныхъ газетъ? Не оскорблены тѣмъ, что интересъ публики къ театру съ каждымъ днемъ падаетъ, и даже обиліе новинокъ и заманчивая рекламы не въ состояніи этотъ интересъ повысить. Дня за два до скандала одинъ артистъ, занимающій видное мѣсто въ труппѣ и имѣющій отношеніе къ ея администраціи въ возникшемъ здѣсь недавно «литературно-артистическомъ кабаре» пытался меня увѣрить, что рецензіи г. Ярцева, вслѣдствіе своего чрезмѣрно рѣзкаго и явно озлобленнаго (по мнѣнію его и его единомышленниковъ) тона, никакимъ доверіемъ и влияніемъ на публику не пользуется. Но тогда въ чемъ-же дѣло?

Я считаю себя въ правѣ сослаться на эту бесѣду, такъ какъ велась она въ общественномъ мѣстѣ, громко, въ присутствіи многихъ лицъ, къ театру «Соловцовъ» никакого от-

ношенія не имѣющихъ. Въ той-же бесѣдѣ этотъ артистъ позволилъ себѣ и глубоко возмутительную и циничную, по моему мнѣнію, фразу: „Если мы захотимъ, то изъ любой редакціи любого рецензента выставимъ“. Я могу назвать имена присутствовавшихъ при нашемъ разговорѣ и я увѣренъ, что они не откажутся засвидѣтельствовать, что эти слова были сказаны и вызвали съ моей стороны рѣзкій протестъ).

Мнѣнія этого артиста въ данномъ случаѣ имѣли, я увѣренъ, симптоматическое значеніе и явились, вѣроятно, отголоскомъ обмѣна мнѣній на совѣщаніяхъ труппы. Велась-же наша бесѣда по поводу предложенія кого-то изъ труппы выразить г. Ярцеву протестъ, демонстративно удалившись in croupe при его появленіи въ „кабарѣ“. Изъ этого видно, что поступокъ дирекціи на спектаклѣ 21 сентября не былъ неожиданнымъ, а явился результатомъ долгаго обсуждения и тщательно выработаннаго плана. Это, впрочемъ, видно и изъ того, что выборъ дирекціи палъ на воскресный утренній спектакль. Публика на этихъ спектакляхъ состоитъ главнымъ образомъ изъ учащейся молодежи средне-учебныхъ заведеній, преимущественно даже изъ дѣтей, а дѣтямъ, по соображеніямъ дирекціи театра, не легко, конечно, и непріятно будетъ отказываться отъ удовольствія, которое многіе изъ нихъ предвкушали, быть можетъ, уже цѣлую недѣлю. Да и не въ состояніи будутъ эти дѣти вполне сознательно разобратъ въ этомъ сложномъ конфликтѣ; симпатіи же ихъ, разумѣется, будутъ на сторонѣ „обиженныхъ“ артистовъ, — вѣдь у молодежи такое доброе сердце, ее такъ легко растрогать. А у г. Дагмарова такъ натурально дрожалъ голосъ, слеза даже въ этомъ голосѣ чувствовалась...

Фу, какъ противно, однако, разбираться во всей этой грязи. Больно и мучительно стыдно, что именно въ актерской средѣ возможны еще случаи проявленія такого произвола, насилиія, дикости. Но какъ радостно зато видѣть трогательное единодушіе, обнаруженное всей прессой, и то огромное сочувствіе, которое оказано печати всѣмъ обществомъ! Въ этомъ отношеніи инцидентъ сыгралъ роль грозы, очищающей воздухъ, а вѣдь грозы намъ боиться не приходится. „Ну, чего вы боитесь, скажите на милость. Каждая теперь травка, каждый цвѣточекъ радуется, а мы прячемся, боимся, точно напасти какой! Гроза уберетъ. Не гроза это, а благодать! Да, благодать!“ („Гроза“—д. 4. Кулигинъ). *М. Рабиновичъ.*

(По телеграфу).

По поводу инцидента, происшедшаго въ театрѣ (21 сент.), мы, нижеподписавшіеся, считаемъ долгомъ заявить, что, признавая форму и манеру письма г. Ярцева въ высшей степени оскорбительной для нашего человѣческаго достоинства, недостойной и мѣшающей намъ спокойно работать, тѣмъ не менѣе не раздѣляемъ способа протеста нашихъ товарищей.

Члены труппы театра „Соловцовъ“: Баркалова, Борисовъ, М. Валента, Василевскій, Гофманъ, А. Глоринъ, Л. Грей, О. Дабичъ, М. Дагмаровъ-Жуковъ, А. Двинскій, Дитиненко, П. Девенъ, Ивальди, Крамовъ, Кедринъ, Леонтьевъ, Лидія Лѣсная, Морская, Д. Монко, Недѣлинъ, Норская, Рошина-Бенуа, Н. Савиновъ, Д. Смирновъ, Тарская, Чаруская, Юрѣва, Яровая.

(По телеграфу).

„Въ письмѣ въ редакцію „Новаго времени“ отъ 24 сентября г. Глаголина приведены слова изъ телеграммы г. Смирнова: „Нѣтъ словъ выразить радость отклику поинтересовавшихся существомъ дѣла, а не сразу обвинившихъ насъ, маленькую группу людей, доведенную систематической, оскорбительной травлею Ярцева до полной потери самообладанія“, а въ „Руси“ отъ 25 сентября опубликована телеграмма съ подробнымъ объясненіемъ инцидента, за подписью 17-ти артистовъ.“

Чтобы способствовать выясненію истиннаго характера статей „Кіевской Мысли“ о театрѣ „Соловцовъ“, эта газета проситъ напечатать выдержку изъ фельетона г. Hominculus'a въ „Кіевскихъ Вѣстяхъ“ отъ 25 сентября, путемъ подлинныхъ цитатъ изъ рецензій Ярцева, дающаго представленіе о характерѣ этихъ рецензій.

Систематическая травля? Разсмотримъ-же систематически отзывы г. Ярцева.

Объ исполненіи „Дяди Вани“, — „актеровъ нельзя признать бездарными, а спектакль вышелъ бездарнымъ“. Грустный спектакль „Ревизоръ“... „Въ самомъ дѣлѣ, это было возмутительно — безъ отношенія къ тому, кто какъ кого игралъ и насколько были хороши или плохи актеры. „Вѣсмертную комедію“ играли всѣ на манеръ фарса—„Есть у васъ что предъявить“, кричали, трещали, болтались и кувыркались. „Дмитрій Самозванецъ“ въ театрѣ „Соловцовъ“ — все было хорошо. „Мама-Птичка“ — исполненіе надо признать приличнымъ и удавшимся. „Всѣхъ скорбящихъ“ — драма была поставлена такъ, какъ надо, и вообще разыграна хорошо, оставила впечатлѣніе ароматное и радостное, и эту пьесу надо смотрѣть въ этомъ театрѣ. „Чудо св. Антонія“—

пьеса разыгрывалась ужасно. „Съ волной“—играли не очень плохо. „Ярмо“—очень хорошо разыгрывается, всѣ вмѣстѣ хорошо. „Казенная квартира“—пьесу играли хорошо; если-бы начать перечислять тѣхъ, кто хорошо игралъ, пришлось-бы всѣхъ переписать“. „Король“—выразительно сыгранъ, хорошо играли почти всѣ исполнители. „Трудно передать въ какой степени была отвратительно поставлена и сыграна „Безприданъ“. „Освобожденіе человѣка“ — по отношенію къ сценическому творчеству „Занимались любовью въ одиночествѣ“. „Ихъ четверо“—очень плохо, скучно и шаблонно играли“.

И это называется систематической травлей! Объ общемъ исполненіи половины всѣхъ поставленныхъ пьесъ данъ положительно одобрительный отзывъ, при чемъ объ одномъ прямо восторженный, объ одномъ спектаклѣ данъ удовлетворительный отзывъ, о шести категорически отрицательный. Это систематическая травля? Если да, то „систематически травилъ“ труппу г. Дувана и всѣ прочіе кіевскіе рецензенты, ибо и ихъ отзывы въ общемъ не снисходительнѣе. Не проще-ли въ такомъ случаѣ не пенять на зеркало? Перейдемъ къ отзывамъ объ отдѣльных артистахъ, тѣхъ самыхъ, которымъ г. Ярцевъ не давалъ спокойно работать и которые теряли самообладаніе. О г. Рудницкомъ, — „очень хорошо сыгралъ, ясно, чисто цѣломудренно, трогательно“ („Всѣхъ скорбящихъ“); подробный рѣзкій отзывъ о немъ-же въ рецензії объ „Освобожденіи Человѣка“. О г. Степановѣ, — не плохо, а такъ, какъ надо игралъ, („Всѣхъ скорбящихъ“), былъ жалокъ и смѣшонъ („Воръ“). О г-жѣ Юрѣвой, — играла „правильно и съ хорошимъ вкусомъ, совсемъ хорошо и такъ умно, что подстать только хорошей артисткѣ, исполненіе трогало и заражало, потому что въ немъ было неподдѣльное искусство“ („Мама-птичка“); обнаружилъ сценическій тактъ („Ихъ четверо“). О г-жѣ Чаруской — „играла Риту, это было хорошо, но очень нервно“. Чаруская хорошая артистка: она была лучше всѣхъ въ „Дядѣ Ванѣ“, „живописна“ („Король“), „настоящая сценическая изображенія въ живой крови претворенныя“ („Освобожд. человѣка“). О г. Двинскомъ, — въ немъ нѣтъ вольнаго обращенія съ искусствомъ, въ немъ мелькаетъ что-то наивное, что даетъ чувствовать въ немъ актера“ („Дмитр. Самозв.“), „въ роли Давида произвелъ смѣшное впечатлѣніе (Съ волной), „хорошій, простой и цѣломудренный актеръ“ („Освобожденіе Человѣка“). О г. Недѣлинѣ, — въ исполненіи „Короля“ въ театрѣ „Соловцовъ“, вообще выразительномъ, былъ одинъ образецъ сценически совершеннаго, того, въ этомъ искусствѣ достигнутаго, къ чему ничего нельзя прибавить, отъ чего нельзя и чего нельзя забыть,—это было исполненіе г. Недѣлинымъ роли Эрша портного, такіе образцы искусства обогащаютъ, остаются разъ навсегда и каждый, кто видитъ ихъ, уходитъ ихъ увидѣвши не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ“. („Король“), „игралъ превосходно („Казен. квартира“). О г-жѣ Дабичъ—какъ лживо играетъ („Самсонъ“), ни единого искренняго звука“. О г. Леонтьевѣ—„какой это славный актеръ, какія цѣльныя до конца доведенныя линіи жестовъ и движеній, какая сила чувства вложена въ инныя слова, это вызвало непроизвольную улыбку и одновременно было готово поднять откуда то слезы: признакъ впечатлѣнія художественнаго“ („Освобожд. чело.“). „Г. Леонтьевъ не хорошо читалъ „Прологъ“ и „Эпилогъ“—такъ лживо, съ такими дрянными придыханіями, съ такими вычурами, такъ безграмотно и такъ безвкусно, что я не хочу вѣрить тому, что это былъ г. Леонтьевъ, или хочу поскорѣе забыть объ этомъ“. („Ихъ четверо“). О г-жѣ Токаревой—„хорошо играла, прекрасная артистка („Король“). О г. Смирновѣ—„интересенъ, можетъ быть, слишкомъ прямолинейнъ“ („Колосъ“). О г-жѣ Гофманъ—„играла хорошо: чисто и правдиво“, „сѣро, старательно и правдиво, но очень бѣдно красками“. О г. Савиновѣ—„излишне робкій режиссеръ Савиновъ не безталаненъ. Кромѣ этихъ отзывовъ (мы не перечислили всѣхъ положительныхъ) есть нѣсколько (очень мало) категорически и рѣзко отрицательныхъ: о г-жѣ Пасхаловой—„на сценѣ мечется, заламываетъ руки, трепещетъ и протягиваетъ въ носъ „не хоччу“, о г-жѣ Чужиновой—„въ одинъ тонъ нарочно десять минутъ невыносимо всхлипываетъ“, о г-жѣ Яровой—„жеманится и вертитъ бедрами, играя служанку“. Относительно инкриминируемой фразы въ рецензії „Освобожденіе Человѣка“ Ярцевымъ дано въ № 265 „Кіев. Мысли“ объясненіе, доказывающее, что только путемъ неправильнаго цитированія можно было ей придать тотъ характеръ, который придали въ своемъ письмѣ артисты“.

„Кіевская Мысль“.

Провихціальная лѣтнопись.

ЕЛИСАВЕТГРАДЪ. Лѣтній театральный сезонъ у насъ фактически закончился 27 іюля. За сезонъ (около трехъ мѣсяцевъ) г-жа Броницкая потеряла 3500 рублей дефицита. Артистамъ, однако, уплачено сполна.

25 сентября состоится открытіе зимняго драматическаго сезона.

Леоп. Котляровъ.

ТОМСКЪ. Лѣтній сезонъ у насъ закончился 31 августа. Нельзя сказать, чтобы дѣла антрепренеровъ были хороши. Лѣто было дождливое, и лѣтнія увеселения на открытыхъ сценахъ часто пустовали. Въ крытомъ театрѣ при садѣ „Буффъ“ играла труппа М. И. Каширина; ставились, преимущественно, фарсы и легкія комедіи. Сборы были далеко не блестящіе, не смотря на то, что въ составѣ труппы были хорошія силы, какъ г. Русиновъ и г-жи Нелидова, Волжина и Арцыбашева.

Большимъ успѣхомъ пользовалась прїѣзжавшая на гастроли артистка Э. Ф. Днѣпрова.

Съ 1 сентября начались спектакли въ общественномъ собраніи съ участіемъ той-же г-жи Днѣпровой, вернувшейся изъ артистическаго турнѣ по Восточной Сибири и по приглашенію г. Каширина захватившей въ Томскъ на возвратномъ пути, на 4—5 спектаклей. Но, увы! на этотъ разъ Днѣпрова сборовъ не сдѣлала. Это объясняется не охлажденіемъ интереса къ ней, не разочарованіемъ ея игрой, а временемъ. Лѣтній сезонъ кончился только по календарю. На самомъ-же дѣлѣ выпадаютъ еще хорошіе дни, и публика предпочитаетъ проводить гдѣ-нибудь на свѣжемъ воздухѣ, а вечеромъ ей уже не до театра—спѣшить домой на отдыхъ. Пока г-жа Днѣпрова выступила въ комедіи „Балерина“ (кстати сказать растянутой и малосодержательной) и „Злой ямъ“ Фоломѣва.

Спектакли малороссовъ въ циркѣ-театрѣ Стрепетова продолжаютъ. Играютъ малороссы товариществомъ, такъ какъ законтрактовавшій ихъ антрепренеръ, артистъ Волинскій, начавшій дѣло въ расчетъ на кредитъ, долженъ былъ вскорѣ отказаться отъ аренды цирка и, завязавъ по уши въ долги, оставилъ нашъ городъ.

Открылся сезонъ спектаклей также въ коммерческомъ собраніи и ремесленномъ обществѣ, гдѣ участвуютъ исключительно любители и, большею частью, начинающіе. Существующее у насъ драматическое общество дало спектакль въ общественномъ собраніи 30 августа въ честь 80 лѣтняго юбилея Толстого, поставивъ „Власть тьмы“, которая прошла весьма удовлетворительно. Среди членовъ О-ва есть нѣсколько обладающихъ несомнѣнными дарованіемъ и способностями. Этотъ спектакль—единственное, чѣмъ былъ почтенъ великій писатель въ нашемъ культурномъ градѣ (здѣсь два высшихъ учебныхъ заведеній и нѣсколько среднихъ). Ни городское самоуправленіе и никто изъ частныхъ лицъ не додумался, или, можетъ быть не могъ устроить хотя-бы чтеніе произведеній Толстого въ день 28 августа.

Наше драматическое общество (или „любители драматическаго искусства“), обыкновенно, ставило спектакли въ зданіи народной бесплатной бібліотеки, гдѣ есть сцена, и давало ихъ еженедѣльно въ теченіе зимняго сезона. Куда оно перейдетъ теперь—Аллахъ вѣдаетъ, такъ какъ наша либеральная городская дума предпочла на текущій сезонъ сдать въ аренду помѣщеніе въ бібліотекѣ, которую оно завѣдуетъ, мѣстному отдѣлу „Союза русскаго народа“ большинствомъ 20 голосовъ противъ 8, и отказалось сдать какъ драматическому о-ву, такъ и подѣ общеобразовательные курсы, которые тоже остаются безъ помѣщенія, и могутъ закрыться, при чемъ одинъ изъ гласныхъ г. Хворовъ выразился, что народная бібліотека предназначена для народа, а не для какихъ-то общеобразовательныхъ курсовъ.

Всеслодъ Сибирскій.

ПЕНЗА. Тринадцатый сезонъ народнаго театра окончился блестяще: взято свыше 19-ти тысячъ. Слѣдующія цифры въ общихъ чертахъ рисуютъ отличное положеніе дѣлъ театра:

Валовой сборъ выразился въ слѣд. суммахъ: май—3143 р. 15 к., июнь—4378 р. 80 к., июль—5557 р. 5 к., августъ—5373 р. 4 к., средний спектакльный сборъ: за май и июнь по 245 р., июль и августъ по 295 р. Главныя статьи расхода: содержаніе труппы за 4 мѣсяца—8500 р., кромѣ того порядочно стоило обновленіе новыми декораціями (650 р.), это не считая того, что затрачено на реквизитъ, бібліотеку и костюмы. Въ расходъ слѣдуетъ включить и тѣ суммы, которыя жертвовались драмат. кружкомъ. Такъ, на льготныхъ условіяхъ (65 р. вечерovýchъ) былъ данъ театръ подѣ спектакль въ пользу союза сц. дѣят. совершенно безвозмездно въ пользу пермонтовскаго общества и въ пользу погорѣльцевъ при селѣ Пачелма. За 200 рублей были уступлены спектакли студентамъ, обществу официантовъ, на „процентахъ“ второй студенческой (30%) и въ пользу учащихся въ низшихъ учебн. зав. (10%).

Минувшій сезонъ Т. О. далъ возможность кружку приносить посильную денежную помощь просвѣтительнымъ учрежденіямъ. Кромѣ того необходимо замѣтить, что кружокъ расплатился почти со всѣми своими кредиторами, а главному изъ нихъ (торговый домъ Карпова, отпустившій въ кредитъ 12 лѣтъ тому назадъ лѣсъ на постройку театра) выплачено больше половины долга (свыше 1½ тысячи изъ 2-хъ). Теперь въ матеріальномъ отношеніи дѣло стоитъ болѣе чѣмъ когда либо прочно и не даромъ народный театръ считается въ актерскихъ кругахъ очень солиднымъ и вѣрнымъ дѣломъ, что въ свою очередь привлекаетъ туда видныя артистическія силы.

Драматическій кружокъ мечтаетъ уже и о зимнемъ помѣщеніи, гдѣ возможно было-бы ставить спектакли, читать рефераты и лекціи.

Репертуаръ за июнь, июль и августъ: „Хорошенькая“, „На покое“, „Идеальная жена“, „Разбойники“, „Сильные и слабые“, „Вѣшніе грозы“, „Мадамъ Санъ-Женъ“ (2 р.), „Бѣлый Ангелъ“ (2 р.), „Три сестры“, „2X2=5“, „Любовь и предразсудокъ“, „Безработные“, „Потокъ“, „Король“ (2 р.), „Гусарская пихорадка“ (2 р.), „Отелло“ (2 р.), „Вечерняя заря“, „Камеотесы“ (2 р.), „Клубъ самоубійцъ“, „Герои синамографа“, „Гамлетъ“ (2 р.), „Витязь“, „Иудушка“, „Трильби“, Тургеневскій спектакль (Рефераты), „Провинціалка“, „Завтракъ у предводителя“ и „Дивертисментъ“, „Блуждающіе огни“, „Буреломъ“ и др. 2 послѣднихъ спектакля (30 и 31 августа) были посвящены Л. Н. Толстому: „Власть тьмы“ и „Плоды просвѣщенія“.

Пьесы ставились и обставлялись съ любовью энергичнымъ, любящимъ искусство и дѣло, режиссеромъ М. Е. Залѣсовымъ и его ближайшими помощниками—А. П. Легаровымъ и декораторомъ Н. П. Ларинымъ.

Труппа и на этотъ разъ набрана въ Москвѣ старшиной-распорядителемъ Д. С. Волковымъ, являющимся однимъ изъ основателей театра и однимъ изъ самыхъ его энергичныхъ, опытныхъ и дѣятельныхъ руководителей.

Изъ труппы выдѣлялись и имѣли наибольшій успѣхъ: г-жи Кошева, Жвирблисъ, Рутковская; гг. Шортштейнъ, Шмитъ, Деоша, Балакиревъ, Залѣсовъ.

Г-жи Кошева и Жвирблисъ служатъ у насъ уже 2-й сезонъ и за это время приобрѣли самыя прочныя симпатіи публики. Г-жа Рутковская—молодая, еще неопытная артистка, у нея много нервовъ, чуткости, изящества, слабо развитая мимика. Г. Шортштейнъ—артистъ интеллигентный и съ неподдѣльнымъ темпераментомъ. Прекрасный Гамлетъ, Отелло, Свенгали, Іоганнъ изъ „Одинокихъ“. Излишекъ темперамента, впрочемъ, иногда вредитъ дѣлу, отражаясь на отдѣлкѣ нюансовъ и болѣе детальной обработкѣ роли. Мало переходовъ. Но этотъ недостатокъ пройдетъ съ годами работы. А работать артистъ умѣетъ. За сезонъ, гдѣ изъ 80 спектаклей, онъ не игралъ въ 3, доказавъ свою работоспособность. Талантливъ и интересенъ г. Шмитъ, характерный комикъ г. Деоша, къ сожалѣнію, былъ мало использованъ на сценѣ. Съ успѣхомъ играли способные и нужные для дѣла гг. Балакиревъ, Велижевъ. Сохранились прошлогоднія симпатіи къ прекрасной *grande-dame* Бѣлозерской. Хорошая старуха г-жа Ленская. Изъ молодежи выдѣлялась г-жа Больцани, обладающая бытовымъ тономъ, что въ наше время рѣдкость, и г. Радищевъ, еще молодой артистъ, съ успѣхомъ играющій роли характерныхъ стариковъ.

Толстовскіе спектакли были отмѣчены особой торжественностью. На сценѣ, утопая въ зелени и цвѣтахъ, стоялъ превосходный бюстъ (копія работы Ге) великаго писателя, у котораго группами располагались артисты, старшины и рабочіе сцены. Членъ Союза сценическихъ дѣятелей Ю. П. Соболевъ (сотрудникъ мѣстной газеты) прочиталъ привѣтственную рѣчь, закончившуюся шумными криками въ честь Толстого и тушемъ. Вся публика, а ея была масса (оба спектакля дали свыше 1100 рублей) встала, обнаживъ головы... картина получилась трогательная и величественная.

Нашъ отчетъ о дѣятельности театра за истекшій сезонъ былъ-бы неполонъ, если-бы мы не упомянули и о дѣятельности мѣстнаго отдѣла союза сц. дѣят. который, вѣроятно, былъ однимъ изъ самыхъ жизненныхъ и дѣятельныхъ изъ всѣхъ существующихъ. Достаточно сказать, что отдѣлъ, насчитывающій 15—16 членовъ (старшина В. Э. Кошева), сумѣлъ за лѣто дать Союзу около 4000 рублей путемъ устройства спектаклей и чтенія рефератовъ. Рефератовъ собственно было два, но читались они въ одинъ вечеръ. Н. Ф. Озерскій, членъ 1-ой Госуд. Думы, известный публицистъ, читалъ на тему: „Театръ и жизнь“, г. Соболевъ, сотрудникъ газеты „Сура“—„Основные мотивы въ творчествѣ Ф. Вехинкина“.

Вышелъ анонсъ о зимнемъ сезонѣ. Театръ Вышеславцева, отремонтированный съ проведеннымъ электричествомъ, держитъ С. А. Марусина. Афиша пока блещетъ невѣдомыми именами. Впрочемъ, премьеромъ приглашенъ, игравшій 2 года тому назадъ, въ собственной антрепризѣ (съ Миролюбовымъ) г. Олигинъ. Режиссеръ г. Невскій.

Репертуаръ еще не извѣстенъ.

Ре-Сом.

РЯЗАНЬ. Лѣтній сезонъ закончился 17 августа. Открылся сезонъ спектаклемъ украинской труппы, сыгравшей 15 спектаклей. Особеннымъ успѣхомъ труппа не пользовалась, ее смѣнила драмат. труппа, ставившая почти исключительно новинки сезона. Хорошія дѣла сдѣлала опера. Затѣмъ былъ у насъ фарсъ и наконецъ закончила сезонъ очень недурная оперетка.

Спектаклей за весь сезонъ было сыграно 75. Общая валовая выручка 25,000 р. Очистилось антрепренеру М. К. Чаплицкому за покрытіемъ всѣхъ расходовъ 5,000 р. На слѣдующее лѣто лѣтній театръ данъ г. Чаплицкому на тѣхъ же условіяхъ.

Зимній театръ снятъ товариществомъ артистовъ, служившихъ въ прошлый сезонъ у г. Озерова.

Ки. Обо...

РОВНО. Закончился лѣтній сезонъ товарищества русскіхъ драматическихъ артистовъ. Составъ труппы: г-жи Э. Л. Воеводская, Е. Ф. Віарская, А. Г. Савченко, М. В. Санина, М. И. Сергѣева, В. А. Торопова, А. И. Холмина, Н. В. Шереметьева; гг. К. А. Золотаревъ, Л. В. Лавровъ, Н. А. Нигофъ, В. С.

Новосильцевъ, В. И. Освѣщійскій, И. И. Синенскій, В. Я. Хенкинъ, Д. Д. Хотевъ, Ф. И. Шукинъ, Д. Б. Шенентовъ. Режиссировалъ В. И. Освѣщійскій.

Репертуаръ: „Вторая молодость“, „Нюбея“, „За монастырской стѣной“, „Безъ солнца“, „Фимка“, „Столичный воздухъ“, „Вѣрь Израиль“, „Освобожденіе челоѣка“, „Власть плоти“, „Злая яма“, „Джентльменъ“, „Два подростка“, „Весенний потокъ“, „Лѣсъ“, „Гроза“, „Дѣти Ванюшина“, „Депутатъ города Сенигиля“, и „Княгиня Капучидзе“. „Фимка“ и „Злая яма“ шли по два раза.

Постановка спектаклей и исполненіе были въ высшей степени добросовѣстны. Сплошные дожди много вредили дѣлу: весьма часто приходилось отмѣнять спектакли. Матеріальный успѣхъ труппы вслѣдствіе всего этого оказался плачевнымъ. Всего взято 1844 руб. 40 коп. Многіе артисты выѣзжали на послѣдніе гроши.

Зимній театръ снятъ Волгинымъ. Открытіе зимняго сезона предполагается 1-го октября.

БЕНДЕРЫ. Труппа драматическо-фарсовыхъ артистовъ З. И. Черновской и М. И. Чернова закончила свои спектакли 20 августа.

Всего за 22 спектакля взято 2456 р. 54 к., что составитъ на кругъ по 111 р. 66 коп. Въ общемъ сезонъ не далъ ни прибыли, ни убытку. Такъ какъ театръ былъ снятъ только по

6 августа, то съ 9 августа артисты труппы образовали т-во на маркахъ (выбыли гг. Эрнетовъ и Городецкій). За покрытиемъ всѣхъ расходовъ каждый членъ т-ва получилъ на марку 1 р. 6 коп.

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить большую заслугу г. Львова (администратора). Въ теченіе сезона онъ устроилъ 7 дѣтскихъ утръ. Благодарныя дѣти въ день бенефиса г. Львова поднесли ему альбомъ со своими фотографическими карточками.

Алексѣй Невдаповъ.

КУРСКЪ. Городской зимній театръ переданъ прежнимъ его арендаторомъ И. В. Погуляевымъ—г-жѣ А. Н. Чеченовой.

Лѣтній сезонъ въ театрѣ сада „Ливадія“ прошелъ съ большимъ успѣхомъ. Много способствовали этому строгій подборъ пьесъ, и хороший, хотя и немногочисленный, составъ труппы. Режиссеромъ былъ г. Маликовъ. Кромѣ него, необходимо также выдѣлить: гг. Олигина, Богемскаго и г-жѣ Щеглову, Барятинскую и Вартлевичъ.

Лѣтній сезонъ въ городскомъ лѣтнемъ театрѣ еще не оконченъ. Въ виду хорошей погоды спектакли будутъ идти весь сентябрь. Сборы—порядочные.—Играютъ малороссы.

И. Д. Стрѣльскій.

Редакторъ О. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

„стихица „Національ“

(бывш. „ГИГИЕНА“).

Телефонъ 47-22. * С.-Петербургъ, Гончарная, 14.

Близъ Николаевского вокзала и Калашник. хлебной биржи.

Вновь отдѣланы номера отъ 1 р. 25 к. до 7 р.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО, ЛИФТЪ, ВАННЫ, ПАРИКМАХЕРСКАЯ.

Говорятъ на иностранныхъ языкахъ.

При гостинницѣ—роскошно отдѣланный ресторанъ.

ПЕРВОКЛАССНАЯ КУХНЯ, КАБИНЕТЫ, БИЛЛЯРДЫ.

НОСТРАННЫЯ И РУССКІЯ ВИНА лучшихъ фирмъ.

Телеф.: 62-57, 62-51, 61-81.

КОФЕ, ШОКОЛАДЪ,
МОРОЖЕНОЕ,
ФРУКТЫ,
ВОДЫ.

CAFE de FRANCE—НЕВСКІЙ, 42.

ЗАВТРАКИ,

ОБѢДЫ И УЖИНЫ.

Пирожныя и печенія собственной кондитерской.

Вѣснскій хлѣбъ. Вновь роскошно отдѣланная дамская гостинная.

ДЛЯ АРТИСТОВЪ

трико, фупфайки, ватоны и пр. изъ шелка, шерсти, фильдекоса и бумаги, можно получить въ трикотажномъ заведеніи

К. Шубертъ,

поставщика Императорскихъ театровъ.

Вознесенскій пр., д. № 36.

15—4

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.

С.-Петербургъ, Владимірскій пр., 8.

Телефонъ № 3561.

РОЯЛИ. * ПИАНИНО.

Высшая награда 1896.

Высшая награда 1900.

Высшая награда 1904.

